

КАТЯ ТЕВА

Дар
СЕРАФИМЫ

The poster depicts a woman with long brown hair and blue eyes, wearing a dark brown cloak, holding a glowing, ornate book. To her left, a man in a military uniform and cap looks on. The background features a cityscape with domes, a large Russian coat of arms, and a car in the foreground. The overall tone is dramatic and historical.

Катя Тева

Дар Серафимы

<https://litres.ru/74212814>

Аннотация

В альтернативной Российской империи конца XX века, где магия — преступление, а прошлое таит в себе опасные тайны, Серафима живёт тихой и скромной жизнью. После смерти матери она остаётся одна, работает в сырной лавке и надеется лишь на будущее рядом с женихом Родионом. Но когда он предаёт её, бросив ради знатной невесты, у Серафимы больше нет ничего... кроме старой потрёпанной тетради, найденной среди вещей матери.

Она узнаёт страшную и завораживающую тайну: её прабабка была ведьмой, а дар крови всё ещё жив в ней самой. В отчаянии Серафима решается на ритуал, пробуждающий силу, о которой ей мало что известно. Но магия не прощает слепых экспериментов, особенно в мире, где за неё могут казнить. Серафиму начинают подозревать в страшном преступлении – колдовстве. И наказание за это – смерть.

Сбежав от преследований, она узнает, что магия жива, а она не единственная ведьма в этом мире.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	48
Глава 7	56
Глава 8	64
Глава 9	73
Глава 10	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Глава 1

Серафима подошла к двери и перевернула потрепанную табличку, оповестив тем самым покупателей о том, что лавка закрыта. День выдался ужасным. Ужасно скучным. За целый день заглянуло лишь пару десятков человек, но стоящую покупку совершили только четверо. Игнат, хозяин сырной лавки, где трудилась Серафима, уже не раз выражал сомнения, что напрасно взял на работу молоденькую девушку, которая совершенно не разбиралась в сырах. А сыры Игнат варил отменные, по крайней мере сам он был в этом убежден.

Изначально идея открыть сыроварню и производить несколько сортов вкусных сыров принадлежала жене Игната, ныне покойной Марии, которая действительно отлично разбиралась в этом ремесле. И при ней дело шло в гору, лавка приносила прибыль, которой вполне хватало на жизнь и скромное существование.

Проблема в том, что Мария трудилась на производстве, а Игнат торговал, применяя природный дар взаимодействия с людьми. Но, когда Мария тихо ушла, угаснув от неизлечимой болезни, перевернулась не только жизнь Игната, но и привычный уклад работы в сыроварне и торговой лавке. Игнат взвалил на себя прежние полномочия жены, уговорив остаться двух поваров, которые трудились под руководством Марии с самого открытия. Они пожалели старика, понимая,

что без них он лишится бизнеса, хоть и такого маленького. Конечно, им не хотелось терять свои места, но обе понимали – с Игнатом им придется не сладко.

Несмотря на доброе сердце, он был вечно всем недоволен и круглосуточно ворчал, сетуя на жизнь.

Серафима оказалась в лавке не случайно, и была благодарна за вовремя протянутую руку помощи. Ее мать, прекрасная рукодельница Лукерья, не только дружила с Марией, но и ушла в мир иной следом за ней. Серафиме едва исполнилось двадцать два, она не имела никого, кроме матери, и осталась совсем одна. Игнат сам предложил ей свое место, так как нанятый им продавец украл две головки дорогого сыра и скрылся, забыв закрыть за собой лавку и вернуть хозяину ключи.

Игнат сменил замки, попытался найти мошенника, но быстро бросил эту затею, не имея ни сил, ни нужного количества времени. Серафима его устраивала по двум причинам: она не претендовала на большой доход, а это значительно экономило средства, и в придачу имела миловидную внешность, которая должна привлечь новых покупателей.

Он не рассчитывал, что она задержится надолго, ведь по городу давно прошел слух, что у Серафимы есть жених из приличной обеспеченной семьи, которого вряд ли устроит, что его жена стоит за прилавком. Но ему требовалось немного времени, чтобы встать на ноги и найти достойную себе замену.

Серафима согласилась сразу и осыпала Игната сердечной благодарностью. Он разомлел от удовольствия и мгновенно возложил на ее хрупкие плечи все свои надежды.

Но они так и не оправдались. За два месяца, что Серафима трудилась в сырной лавке с утра до вечера, продажи не выросли. И она мучилась чувством вины каждый раз, когда Игнат недовольно качал головой, пересчитывая деньги в кассе.

Еще хуже то, что сыр имел свойство портиться, и значительную часть товара приходилось распродавать по сниженной цене, что быстро намотали на ус покупатели. Некоторые прямиком шли к витрине со скидками, даже не глядя в сторону свежих, только сваренных головок.

- Не свиней же мне им кормить? – возмутился однажды Игнат, когда Серафима предложила ему прекратить снижать цены.

Он сам загнал себя в ловушку, и категорически отказывался это признавать. Да и зачем, когда можно свалить вину на других?

Серафима пересчитала прибыль и горько вздохнула. Вот бы сделать так, чтобы люди со всей окрестности выстроились в очередь и дрались, лишь бы попробовать кусочек молочного сыра, который таял на языке. Ведь товар действительно был очень хорош! Себе позволить такое лакомство она не могла, но несколько раз отрезала тонюсенький ломтик и смаковала, боясь проглотить и лишиться себя удовольствия.

Серафима догадывалась, что даже будь Мария жива, дела все равно бы пошли на спад, и виной всему опустевшие после последних событий карманы людей. Доходы у населения разительно сократились, потому что император Алексей обложил всех жителей столицы дополнительными поборами, потраченными на оборону. А обороняться было от кого – не прошло и пяти лет с попытки последнего государственного переворота, целью которого было свержение действующей власти.

Серафима в политике разбиралась плохо и благодарила бога за то, что жива и здорова. А еще тихо радовалась тому, что ее любимый Родион не пополнил ряды воинов, призванных защищать императора и страну.

Отец Родиона имел высокий чин и был приближен к государю, а значит подобная перспектива ждала и его единственного сына. А вот это уже пугало Серафиму не на шутку – стать женой важного человека и войти в его семью – непростая задача для бедной крестьянки-сироты.

Отбросив подальше дурные мысли, она сосредоточилась на главном – переодеться, переплести растрепанную косу, закрыть лавку и поскорее вернуться домой. Третий день она ждала, когда Родион появится, но его все не было. Она пыталась утешить себя тем, что он занят на службе, а ведь долг для мужчины важнее любовных дел, но сердце подсказывало, что что-то изменилось. Нет, они не поссорились, по крайней мере Серафима не могла припомнить ничего, способно-

го возвести между ними барьер, но раньше Родион каждый день радовал ее вниманием и заботой.

Разумеется, он предложил ей помощь, когда неожиданно скончалась Лукерья, но для Симы это было неприемлемо. Что подумает его отец, если узнает? Не сочтут ли ее охотницей за чужим богатством? Вот станет законной женой – другое дело. Тогда все у них станет общим – и печали и радости. А уж любить она умела, как никто другой.

Серафима не сомневалась, что станет хорошей женой для Родиона. Она уже потратила уйму времени, внимательно всматриваясь в манеры благородных девиц, считывая их повадки, движения рук, речь и главное – кротость и милую улыбку, прячущую зубы. Научиться еще предстояло многому, но кое-какие успехи она делала. Например, тренировалась на посетителях лавки, применяя в разговорах особые словечки, ранее ей не свойственные.

Когда госпожа Беккер – немка по происхождению, всю жизнь прожившая в Российской империи – забирала свой заказ, Серафима завела речь о погоде, да так ловко, что получила от старухи приятный, но вполне заслуженный комплимент. Та всегда гордилась своим положением, благодаря мужу, конечно, и не упускала возможности об этом напомнить каждому, кто встречался на пути.

- Bravo, милочка, вы радуете меня своими манерами, пусть и приобретенными, а не врожденными! – воскликнула госпожа Беккер, прикрывая рот вычурным дорожным ве-

ром, которые давно вышли из моды. – В столице редко встретишь такой сервис среди obsługi.

Улыбка медленно сползла с лица Серафимы, и она еле сдержалась, чтобы не выставить ее вон.

- Хотя с вашим личиком это и не обязательно – можно просто молчать и почаще моргать! – госпожа Беккер залилась краской от удовольствия, чувствуя, что остроумие у нее на высоте.

Серафима отчасти была с ней согласна – красота ей досталась от бабушки, которую она, к большому сожалению, видела лишь однажды в раннем детстве. Но мама показывала ей фотографию – старую и потертую, еще времен начала двадцатого века. Не мудрено, что та истрепалась за столько лет.

Ее яркая внешность стала причиной частых разговоров последние пять лет, когда она перешагнула подростковый возраст и превратилась в девушку. Мальчишеская фигура преобразилась - утончилась талия, выросла грудь, округлились бедра. Копна рыжих волос обрела форму – теперь пряди струились по плечам, играя в солнечных лучах, а не торчали в разные стороны. Россыпь веснушек на носу и щеках перестали быть причиной насмешек – теперь они подчеркивали зеленцу в глазах и отлично гармонировали с сочными розовыми губками. Серафима осознавала, что и правда красива. А еще она догадывалась, что именно ее внешность больше всего ценил Родион. Иначе почему он постоянно повторял,

что если ее переодеть, то она не уступит ни одной светской даме?

Пока переодеваться Серафиме было не во что. Она одевалась бедно, но чисто, и ее малочисленные наряды ей шли: два повседневных платья и одно праздничное, которое она надевала на свидания с любимым, единственные брюки – вещь европейской моды, чудом докатившееся до империи, и несколько очаровательных кофточек, которые, как она надеялась, очаровательны не только в ее глазах. Другое дело Родион – тот наряжался каждый раз, как на банкет к самому императору – выглаженный, вычищенный, натертый до блеска, как самовар. Как-то раз Серафима пыталась представить его в домашней одежде, но так и не смогла. Может он и спит в пиджаке, как знать?

Она выключила свет, повернула ключ в замке и спрятала его в карман. Какое облегчение, что Игнат так и не появился, иначе настроение было бы испорчено на весь вечер.

Город шумел, как муравейник. Люди сновали туда-сюда, галдели, торопились, толкались или прогуливались, не торопясь. Серафима шла, озираясь по сторонам, всматриваясь в чужие лица и понимала, насколько же она одинока. Ей казалось, что она одна идет против бурного потока, который вот-вот собьет ее с ног, растопчет, раздавит, уничтожит. Другое дело – держи она под руку Родиона...

Серафима дошла до своего дома и посмотрела на окна – только в них не горел свет. Она толкнула подъездную дверь и

не торопясь поднялась на второй этаж. Из соседней квартиры пахло жареным мясом. Сима проглотила слюну, прижала руку к голодному животу и вошла в квартиру, в которой ее никто не ждал.

Глава 2

Серафима плохо спала. До позднего вечера она простояла у окна, надеясь, что увидит знакомый силуэт. Но Родион так и не пришел. Снова. Ей хотелось оправдать его в очередной раз, но нужных слов не нашлось. Что-то случилось – теперь она была в этом уверена. И приняла твердое решение – выяснить, что именно.

Серафима приготовила себе чай, положила побольше сахара, надеясь, что он придаст бодрости и сил, съела жесткое залежавшееся печенье и ушла на работу.

День выдался на удивление хорошим для ранней весны. Солнце слепило в глаза и приятно ласкало, остатки снега превратились в жалкие редкие островки, доживающие до следующего дождя. Голубое небо висело над головой так высоко, что у Симы дух захватило, глядя на него. Мимо неслись автомобили, выплевывая выхлопные газы и тарахтя моторами. Серафима посторонилась, пропуская пожилую пару, занявшую большую часть тротуара. Через несколько минут она погрузится в рутинную каждодневную работу, а вечером обязательно найдет Родиона и успокоит разволновавшееся сердце. Наверняка он заверит ее, что много трудится ради их совместного будущего, расскажет, как скучал и пообещает больше не пропадать.

Она открыла дверь и вдохнула хорошо знакомый аромат

сыра. Щелкнула выключатель, и лавка озарилась желтым искусственным светом, который ни шел ни в какое сравнение с солнечными лучами. Но по-другому нельзя – единственного маленького окна катастрофически не хватало.

Не успела она вымыть руки и сменить обувь, как явился Игнат. Он выглядел старше своих шестидесяти, несмотря на гладкое лицо, морщины на котором ловко разгладила излишняя полнота.

- Доброе утро! – Серафима улыбнулась, пытаясь предугадать настроение хозяина.

- Доброе ли? – проворчал он. – Дела ни к черту. Как бы мне не пришлось самому возвращаться за прилавок. Фермеры грозятся поднять цены на молоко, да и работницы мои намекают на прибавку.

- Меня все устраивает, - Серафима понимала, что речь не о ней, но слова случайно вылетели до того, как она успела подумать.

- Может закрыться и найти подработку где-нибудь в охране? – Игнат сел на деревянный ящик, и под его весом тонкие перекладыны противно скрипнули. – Видел сегодня объявление на двери в ювелирном...

Он размышлял вслух, а Серафима ловила каждое слово, с ужасом осознавая, что ее кошмар вот-вот превратится в реальность. Идти работать прислужгой ей совсем не хотелось, а других вакансий для молодой девушки в городе не найти. Учебу в университете она потянуть не могла, а без профес-

сии найти место – настоящая проблема.

- Можно попробовать торговать по выходным на ярмарке... - Серафима перешла на шепот, зная, как категорично Игнат относится к любым переменам, требующим хоть каких-то шевелений с его стороны.

- Да... - неожиданно протянул он. – Может и стоит. Я подумаю об этом, но сразу предупреждаю – поедем вместе. Еще не хватало, чтобы мальчишки растащили мой сыр. На этих ярмарках воришек больше, чем покупателей.

- Конечно! – Серафима закивала головой, не веря своему счастью. – Все сделаем, как вы скажете.

Она надеялась, что он уйдет, но Игнат только вытянул ноги и вздохнул – значит не торопится. К его затяжным монологам, больше походившим на нравоучения, Сима уже привыкла. Ее дело – слушать и поддакивать, если потребуется. Больше всего она нервничала, когда при нем заглядывали покупатели. Игнат сразу напрягался и анализировал каждое слово, а едва дверь закрывалась – отчитывал работницу за маленькие продажи.

Как назло, скрипнула дверь и вошла госпожа Беккер с собачкой под мышкой и в сопровождении приятельницы – Лидии Цветковой – старой девы и первой сплетницы столицы.

Госпожа Цветкова приняухалась и наморщила свой длинный нос.

- Что за дешевый цветочный парфюм? У меня сейчас аллергия откроется.

- Не преувеличивай, - одернула ее госпожа Беккер и мило улыбнулась. – Милочка, а вот и мы! Моему Тоше так понравился сыр на топленом молоке, что я теперь беспокоюсь, как бы у него несварение не случилось. Дайте еще кусочек, пожалуйста. И заверните в два слоя бумаги. Что ты сегодня возьмешь, дорогая?

Госпожа Цветкова склонила голову над витриной и внимательно разглядывала товар. Серафима и так знала, что она возьмет – минимум два куска самого жирного сорта. Как она одна умудрялась все это поглотить – загадкой ни для кого не было. Лидия обладала отменным аппетитом, о чем свидетельствовали ее пышные бока и вставки на платье.

- Кусочек брынзы и маленькую головку голландского, - сделала заказ госпожа Цветкова.

Серафима бросилась упаковывать, не забывая улыбаться.

- Ах, господин Вульф, и вы здесь! – Ольга Беккер заметила Игната, прятавшегося в углу.

Вообще-то он никакой не Вульф, а Волков, но все давно привыкли к ее любимому развлечению – коверкать фамилии на немецкий манер. Себя она тоже частенько называла Хельгой, хотя ею отродясь не была.

- Рад видеть! – он хотел привстать, но низкий ящик не пустил.

- Вы слышали последние новости? – Лидия облокотилась на стеклянную витрину, и Серафима похолодела от волнения. – Поговаривают, что император увеличивает личную

охрану. Уж не намечается ли снова чего серьезного?

- Быть не может! – госпожа Беккер ахнула и переложила несчастную собачонку на другой бок. Та взвизгнула, не довольная тем, что ее побеспокоили.

Игнат, в отличие от Серафимы, обожал политические темы, поэтому с радостью присоединился к разговору.

- Чую, что это проделки все тех же заговорщиков из... Европы, - он покосился на немку, проверяя, не приняла ли она его слова на свой счет.

Но госпожа Беккер и ухом не повела – она ловко жонглировала своим происхождением в угоду обществу и себе любимой. Если кто-то хвалил немецкое качество, то она, само собой, напоминала о корнях, гордо задрав голову. Но стоило коснуться чего-то нехорошего, так сразу заявляла, что родилась в Империи и фамилия ей досталась в придачу к внушительному наследству.

- Если свергнут императора, упаси Господь, вся элита окажется на обочине, - Лидия, наконец, оставила хрупкую витрину в покое. – Я ума не приложу, чего они добиваются?

- Взять реванш, и власть заодно, - решил Игнат. – Я знаю этих людишек – ничем не побрезгают. Но своего ума им точно не хватит – кто-то промыл им хорошенько мозги!

- Вот именно! – согласилась госпожа Беккер. – Российская империя всем поперек горла, потому что живем мы слишком хорошо!

Серафима положила упакованные заказы на стол и запи-

сала в книгу нужную сумму. Ни госпожа Цветкова, ни госпожа Беккер не носили с собой наличных. Раз в месяц при- бежал мальчишка, работающий слугой, и расплачивался за своих хозяев.

Каждый раз, когда Игнат ввязывался в дебаты, касающиеся власти, Сима поражалась, с каким рвением он это делает. Как будто сам имеет титулы и привилегии. Она никогда не вникала в суть, становясь лишь случайным слушателем, но кое-что уяснила: простые работяги хотели равенства, как будто оно спасло бы их от тяжелой работы. По мнению Серафимы, богатые не перестанут быть таковыми, что бы не случилось.

- Двадцать первый век на носу, а они все не угомоняться, - продолжала возмущаться Ольга Беккер. – Кому нужен этот технический прогресс! Вот скажите, разве мы плохо живем? Вот вы, милочка, чем-то недовольны?

Серафима не сразу догадалась, что она обратилась к ней. Без «милочки» так точно бы и не сообразила. Вообще-то она плохо жила – малюсенькая квартирка, за которую она задолжала аренду за шесть месяцев, пустой холодильник, проблемы с работой... Но скажи она об этом вслух, сразу нажила бы себе лишних проблем.

- Я благодарна за все, что у меня есть, - выкрутилась она, стараясь не показать ни одной лишней эмоции на лице.

- Конечно! – госпожу Беккер ответ устроил. – Я почти убеждена, что так ответит каждый.

Тоша, пол которого Серафима так и не успела распознать, зарычал и попытался вырваться. Суя по отростку на лохматом пузе, он был кобельком, но хозяйка упрямо обращалась к питомцу в женском роде.

- Сейчас пойдем, моя маленькая! – госпожа Беккер поцеловала пса прямо в оскал и забрала покупку. – Хорошего дня.

Игнат раскланялся, как будто сам император заглянул в лавку, и облегченно вздохнул, едва дверь закрылась.

- Старые лентяйки, - пробубнил он под нос. – Только и знают, как языками молоть. Пошел я, дел много. И не душись, когда идешь на работу!

- Это мамины духи... - Серафима прижала ладонь к груди, словно это помогло бы ей спрятать запах.

- Все равно... - Игнат растерялся на долю секунды. – продукты же кругом...

День тянулся невыносимо долго. Серафима отмыла витрину, переложила сыры, стараясь придать прилавку более презентабельный вид, отпустила нескольких постоянных покупателей, обменялась любезностями с пожилым преподавателем из университета, целый час потратила на привередливую клиентку, которая потребовала продегустировать каждый сорт, но в итоге ничего не приобрела, только наелась бесплатно.

Она считала минуты до закрытия, лишь бы поскорее вырваться и пойти к Родиону. Она хорошо знала дом, в кото-

ром он жил, но внутри никогда не была. Сомнения, одолевающие ее все сильнее по мере приближения встречи, она мужественно отгоняла прочь. Неведение пугало сильнее. И пусть она не сможет его увидеть, но все равно пойдет. Лучше сделать, чем не сделать – так всегда учила мама.

Как же ей не хватало ее! Лукерья была удивительной женщиной – чуткой, доброй, общительной. Серафима всегда мечтала быть такой же, как она. Но что-то ей подсказывало, что она больше получила от отца, чем от матери. Лукерья замужем не была, но любила. И результатом этой любви стал маленький рыжий ангелочек, в которого она вложила всю душу. Это не помешало ей достойно воспитать дочь, привив ей уважение к человеку, которого она в глаза не видела.

Их история любви могла иметь счастливый финал, не случись трагедия – Виктор, отец Серафимы, погиб в драке, заступившись за одного несчастного. Может Лукерья и соврала, но Серафима предпочла поверить и не терзать сердце матери глупыми расспросами.

Когда Сима встретила Родиона, мама забеспокоилась, но стерпела, позволив дочери пойти своим путем. То, что они не пара, было и так понятно – богатым с бедными нечего делать за одним столом, а уж в одной кровати тем более. Но Родион развеял все сомнения, проявив настойчивость. Поначалу он пытался лишить Серафиму невинности, но она решительно отказала ему, и даже оскорбилась. И тогда ее милый Родя извинился, объяснив свой страстный порыв обу-

явшими его чувствами. Серафима так переживала, что чуть было не разболтала маме, но вовремя прикусила язык – нет ничего хорошего, если она своими руками разрушит их сложившиеся отношения.

Как только минутная стрелка коснулась двенадцати, а часовая зависла на шести, она закрыла магазин и помчалась со всех ног в сторону большого особняка, в котором жил ее единственный близкий человек.

Она молилась, чтобы им удалось встретиться и поговорить. Она мечтала упасть в его объятия и, наконец, успокоиться. Главное, чтобы ничего не изменилось...

Глава 3

Серафима спряталась за зеленую изгородь, опоясывающую дом, как надежный страж, и с опаской огляделась. Роста ей не хватало, чтобы хотя бы одним глазочком заглянуть внутрь, но шум, доносящийся со двора, явно свидетельствовал о приеме, который оказывал князь Шумской. Это подтверждали и автомобили, выстроенные в длинную шеренгу у парадных ворот.

Серафиму обуяли сомнения – стоило ли отрывать Родиона от важных дел, когда он должен находиться возле отца и оказывать почести гостям? Но ноги отказывались вести ее домой. Она приросла к изгороди, ловя каждый шорох. Негромко играла приятная музыка, которую с легкостью перебивали оживленные голоса и задорный женский смех. До Серафимы донесся вкусный запах еды, и она вспомнила, что с самого утра так ничего и не съела. Но подступившее волнение напрочь отодвинуло все физиологические потребности. Она пыталась распознать знакомый низкий голос, но все так смешалось, что и слов было не разобрать.

Но Серафиме повезло – открылись ворота, и несколько человек вышли на аккуратно постриженную лужайку перед домом. Она сняла с платья листья, расправила подол и осторожно выглянула из-за угла. И вдруг увидела его – своего высокого, широкоплечего, темноволосого и статного жени-

ха. Он изменил прическу, зачесав волосы назад, и Серафиме не терпелось сообщить ему лично, что она находит его новый стиль привлекательным. Родион смеялся, запрокинув голову назад, что было ему не свойственно, по крайней мере в компании Симы. Миловидная блондинка прошебетала что-то ему на ухо, а затем взяла под руку и отвела в сторону.

У Серафимы неприятно защемило в груди, но она не стала делать поспешных выводов – быть может это какая-нибудь троюродная сестрица, которую он с детства не видел? Или еще лучше – противная ему дочка одного из князей, которой он должен уделить время, чтобы не расстраивать отца?

Однако то, что произошло дальше, расставила все по местам. Один господин поднял бокал с шампанским и громко крикнул:

- За наших дорогих обрученных – Родиона и мою красавицу Руслану!

Толпа раздалась одобрительным гомоном, и Сима заткнула уши руками. Так это не простой прием, а самая настоящая помолвка. В это трудно было поверить. Два месяца назад он поклялся Серафиме, что разделит с ней жизнь и попросил стать его женой, встав на одно колено. Сима посмотрела на свою ладонь и потерев пальцами тоненькое колечко – единственный подарок, преподнесенный любимым. Снова выглянула, желая удостовериться, что все это не страшный сон, а реальность.

Родион раскраснелся и приобнял свою новую невесту. Де-

вушка и правда была хороша – совсем молоденькая, едва ли она успела достичь совершеннолетия, тоненькая, как тростинка, но породистая и уверенная в себе.

Серафима перестала дышать. Боль разрывала изнутри, разбивая вдребезги ее последние надежды. Неужели она не заслужила честного признания? Будь она из богатой и знатной семьи, как Руслана, Родион не посмел бы так поступить.

Как теперь быть? Что делать? На кого надеяться? Серафима вздрогнула от внезапно посетившего ее осознания – она повторит судьбу матери, которая всю жизнь рассчитывала только на себя. Но у Лукерьи была дочь, забота о которой не позволила опустить руки и сдаться, а у Серафимы кто?

Она решила уйти. Смотреть и мучить себя и дальше не было сил. Родион не придет, значит не стоит больше его ждать...

Сима сделала шаг и почувствовала, как стопа наклонилась, острая боль пронзила лодыжку, и она упала на землю, не заметив камень, спрятавшийся в траве.

Кто-то вскрикнул, послышались обеспокоенные голоса, и один знакомый среди общего шума:

- Я улажу...

Родион помог ей подняться, их глаза встретились и Серафима не узнала своего любимого: плотно поджатые губы, хмурые брови, злые глаза, дергающиеся желваки. Он толкнул ее к изгороди, пряча от нежелательных зрителей, и прорычал сквозь стиснутые зубы:

- Зачем ты пришла?

Серафима так растерялась, что не сразу сообразила, что ответить.

- Не думай, что я позволю тебе все испортить.

- Как это возможно? – она имела ввиду помолку, но он трактовал ее слова иначе, решив, что она имеет ввиду срыв праздника.

- Что бы ты не сказала – тебе никто не поверит. Этот союз очень важен для моей семьи. Руслана не заслужила позора.

- А я заслужила? – слезы-предатели брызнули из глаз, и Сима спрятала лицо в ладонях. – Почему ты не сказал мне правду?

- Вот из-за этого, - Родион запыхтел и раздул ноздри. – Не могу терпеть женское нытье. Разве ты сама не догадалась, что между нами все кончено, когда я перестал приходить? К чему лишние разговоры?

- Я каждый день ждала тебя, мучилась, терялась в догадках... - она размазала грязными ладонями влагу на щеках. – Ты предложил мне стать твоей женой, подарил кольцо...

- Серафима... - он закусил губу, думая, как выкрутиться из ужасного положения, в которое угодил. – Я поговорил насчет нас с тобой с отцом. Он категорически против. Ты же не хочешь, чтобы я пошел против его воли и довел его до сердечного приступа? Я бы никогда не простил себя, случись с ним что из-за моей интрижки...

- Интрижки? – она вздернула подбородок и тонкие паль-

чки сжались в кулаки. – Ты признавался мне в любви!

- Не кричи, - он топтался на месте, озираясь по сторонам.
– Любви не достаточно. Мы разные...

- Три дня назад были одинаковыми, - она одернула задрывшийся подол. – Мне пора идти. Не хочу отрывать тебя от дел. Прощай, Родион.

Серафима сняла с пальца кольцо и протянула ему. Родион ухмыльнулся.

- Продай, если не нужно, - ответил он и ушел.

Сима вздрогнула, как от пощечины. Никогда еще за свою жизнь она не чувствовала большего унижения, чем сейчас.

Она бежала до дома, не видя ничего впереди себя. Кто-то попытался предложить ей помощь, наверняка решив, что Сима попала в беду, одна госпожа начала ругаться, когда та чуть не сбила ее с ног, но Серафима не потрудилась даже извиниться.

Скорее добраться туда, где безопасно и можно дать волю слезам – вот ее единственная цель. Сима толкнула дверь подъезда и побежала вверх, перепрыгивая через ступеньки. Долго не могла попасть ключом в замочную скважину – руки не слушались.

Только рухнув на кровать, она смогла отдышаться. Думать не хотелось, да и зачем, раз все уже решено?

- Как же так, мама? – она всхлипнула, увидев портрет на столе.

Лукерья ей улыбалась. Вот бы сейчас спросить у нее со-

вета... Наверняка мама смогла бы утешить и успокоить, согреть своим теплом, крепко обняв. Но все, что от нее осталось – одна фотография, груда неразобранных вещей и воспоминания.

Серафима заставила себя подняться и пошла на маленькую кухоньку. Открыла шкаф, достала гречневую крупу и поставила маленькую кастрюльку на плиту.

- Он был меня не достоин, так бы ты сказала? – она обратилась к матери, надеясь, что та ее слышит. И пусть этот разговор был не больше, чем иллюзией, но он был ей необходим. – Ничего не происходит просто так. Я помню, как ты часто повторяла эти слова, когда у меня что-нибудь не получалось. И ты думаешь, что Родион меня бросил не случайно? Наверняка для того, чтобы я встретила другого человека и обрела с ним свое счастье. Но я не хочу никого другого...

Серафима всыпала крупу в кипящую воду и бросила щепотку соли.

- Знаешь, чего я хочу, мама? Другой жизни. Нет, ты не думай, что я неблагодарная и ищу виноватых. Ты делала для меня так много, что и представить страшно. Рядом с тобой я была спокойна и счастлива. А теперь? Игнат с трудом меня терпит в своей лавке, жалось мешает ему меня выставить за дверь. Жених променял на другую. Даже есть нечего...

Сима вздохнула и села на стул. За окном кричала детвора, машины с ревом проносились по дороге, гневно сигналив невоспитанным пешеходам, парочки беззаботно прогулива-

лись, держась за руки...

О чем они думают? Серафима повернулась в окну и облокотилась на подоконник. К локтю прилипла облупившаяся краска и больно впилась в кожу. Что заботит этих людей? Может, власть – как госпожу Беккер и госпожу Цветкову? Или увеличение продаж, как несчастного Игната? А может они вспомнили, что давно не были на могиле родственника и почувствовали укол совести?

А о чем думала она, Серафима?

Каша зашипела, предупреждая, что вода давно выкипела, и она сорвалась с места, чтобы спасти свой ужин. Домашние хлопоты всегда помогали ей отвлечься, так почему бы этим не воспользоваться?

Серафима решила подкрепиться и приступить к делу, которое так давно откладывала – разобрать мамины вещи. В их скромной квартирке и так было не протолкнуться, к тому же кое-что она планировала продать и заплатить хозяйке за аренду.

Она мысленно поблагодарила бабушку Агату за терпение и сунула в рот ложку огненной разваренной крупы. Когда Лукерья приехала в столицу с маленькой дочкой на руках, Агата Ивановна была первой, с кем им довелось познакомиться. Она как раз подыскивала квартирантов – пустовала квартирка после смерти сестры. В нее они и заселились. Агата успела постареть, Серафима – вырасти, а Лукерья - уйти в иной мир.

Сима вымыла тарелку, погасила на кухне свет, стараясь экономить электричество, за которое у нее тоже имелся долг, и пошла в единственную комнату.

Вещи матери она перетащила в угол, и теперь ей предстояла большая работа. Пробежала шальная мысль о Родионе, но она погнала ее прочь, боясь снова расплакаться. Для этого хватит и предстоящей ночи.

Первый узел был набит одеждой, и Серафима, разворачивая каждый наряд, вспоминала родную мамочку в нем: в этом платье она ходила на работу в швейный цех, а это березгла для особых случаев. Почти как новое – мало было у Лукерьи поводов для счастья, и так рано умерла.

Кое-что Серафима решила сохранить для себя, а остальное отнесет в церковь, нуждающихся стало слишком много. Да и не вся одежда с материного плеча ей подходила – Лукерья была высокой и сбитой, а Сима уродилась маленькой и костлявой.

Оттащив узел для церкви к двери, она принялась за следующий – шкатулку со старой бижутерией оставила на память, книги протерла от пыли и сложила на край стола, стертую обувь отбросила в сторону – такой только на помойке место. Ей хотелось найти что-то особенное, важное, личное – способное позволить прикоснуться к материнской душе.

И вдруг Серафима заметила тетрадь с потрепанным корешком и измятыми уголками – никогда прежде она ее не видела, и это ее удивило и заинтересовало. Она опустилась

на колени, осторожно взяла находку в руки, изучила со всех сторон и открыла. Чужой почерк бросился в глаза, и она нахмурилась. Лукерья никогда ничего не скрывала от дочери, у них все было на двоих. Кроме странной чужой тетрадки.

Серафима открыла первую страницу и принялась читать.

Глава 4

«Меня зовут Серафима, и я ведьма. Эти строки я пишу украдкой, при свете одинокой свечи, которая делит со мной одну камеру на двоих. Через три дня меня казнят на центральной площади на глазах у разъяренной толпы. И те, кто бегали ко мне за помощью и снадобьями, будут кричать громче всех, призывая меня к расплате. Но я не в обиде на них. Глупые люди всегда подвержены зову морали, которым им старательно навязали.

Альбина, дочь моя, единственное создание, ради которого мне хотелось жить, эта тетрадь предназначена для тебя. Я очень надеюсь, что смогу передать тебе ее на нашей прощальной встрече, и ты сохранишь мои знания, а можешь и применишь бесценный подарок – дар, способный не только рушить чужие судьбы (в чем убеждены все вокруг), но и помогать, исцелять, лечить. Если же ты откажешься – я пойму и приму твой выбор. Но тетрадь ты должна сохранить на три следующих поколения. Жаль, что я не могу сказать тебе это, глядя в глаза. Но, читая эти строки, ты будешь слышать мой голос, обещаю. У тебя скоро появится дочь, хоть ты еще и не знаешь об этом. А потом и у нее появится дочь – это я вижу наверняка. Одна из вас троих сможет воспользоваться даром нашего рода. Но будь осторожна, умоляю! Если ты возьмешь на себя это бремя – не смей нико-

му открываться. У тебя нет друзей, которые смогут разделить эту тайну. Не помогай из жалости и сострадания – просто жди, когда переменится ветер, и гонения на ведьм канут в прошлое. Признаюсь, я слабо верю, что это произойдет на твоём веку. Поэтому решение за тобой.

Я не смогу научить тебя всему, что умею – не хватит ни тетради, ни времени. Пока я пишу эти строки, охранник спит, подверженный моим чарам. Жаль, что мне не хватило сил принудить его отворить проклятую дверь. Я истощена и измотана. Вчера меня сильно избили, и убили бы, если бы не предстоящее зрелище. Люди боятся того, чего не знают.

Но ты не слушай никого, доченька. Ведьмы много веков жили среди простых людей, сильно от них не отличаясь, кроме знаний и веры в то, что скрыто от человеческих глаз.

Простое слово имеет силу, а людшики ими разбрасываются, не ведая, что творят. Эх... прости, что я так много пишу, мне так хочется досыта с тобой наговориться. Но пора переходить к делу».

Серафима замерла, положив ладонь на раскрытый разворот. Писала ее тезка, но это еще ничего не значило. Кроме одного – ее бабушку звали Альбиной. Она видела ее в раннем детстве, как раз перед переездом в столицу, но плохо помнила. Единственное воспоминание, слабо всплывающее в голове – кровать и старуха, лежавшая на ней, а еще запах – жутко противный, больной, гнилостный. Сейчас, с высоты

своего возраста она могла предположить, что именно смерть бабушки стала причиной их отъезда. Похорон она не помнила, но это вовсе не значит, что их не было. Лукерья вряд ли бы позволила малышке смотреть на такое. И если автор тетради называла Альбину дочерью, значит она была прабабушкой Серафимы.

От этого открытия руки покрылись крупными мурашками. В ее роду были ведьмы? Серафима еще раз пробежалась по прочитанному, стараясь ничего не пропустить.

Итак, ее прабабку казнили за дар, который она хотела передать. Интересно, Альбина его приняла? Если да, то почему не передала дальше? Или Лукерья добровольно отреклась, утаив от единственной дочери пикантные подробности про свой необычный род?

Серафима нахмурилась. В Империи до сих пор категорически запрещено заниматься магией и колдовством – за это каждого осмелившегося ждала тюрьма. Но Сима и не могла припомнить, чтобы кто-то творил подобное. Ведьмы же только в сказках, разве нет?

Ей не терпелось продолжить чтение, но в глаза как песка насыпали – света от тусклой настольной лампы едва хватало. Он взяла тетрадь и пошла на кухню. Налила кипяченой воды, смочила горло и села за стол.

«Альбина, деточка моя ненаглядная, запомни, что ты должна действовать с осторожностью. Иметь право получить дар еще не означает, что ты его получишь. Ты на-

верняка хочешь знать, чего хочу я? Признаюсь, что у меня есть беспокойство за твое будущее. Иногда я ловлю себя на мысли, что желаю тебе простой человеческой жизни. Но в то же время боюсь, что дар уйдет, и смерть моя станет напрасной. Ниже я напишу тебе, как правильно провести ритуал. Запомни, ты должна сделать все именно так, как будет изложено. Ты почувствуешь его сразу, как только он придет. Когда я принимала его от твоей бабушки, то ощутила разряд тока, поразивший все тело. Эта сильная боль, но она одновременно и дарит наслаждение.

Ритуал принятия – только начало пути. Дальше дар нужно приручить и обуздать. Не позволяй ему управлять тобой. Тьма должна быть под строгим контролем. Иначе она поглотит тебя. Жаль, что меня не будет рядом, когда это случится, если ты примешь решение, разумеется.

Альбина, я жалею, что не сказала раньше. Мне казалось, что я должна огородить тебя. Да и думала, что времени впереди предостаточно. И вот я здесь, а перед тобой открывается страшная правда. Тебя станут допрашивать. Уже допросили, ведь ты член моей семьи. Я представляю твои перепуганные глазки и шок, который пришлось испытать. Прости меня за это. Вот, я сказала, что жалею, а на деле все вышло, как лучше. Знай ты правду, могла бы пойти на казнь следом за мной.

Еще кое-что, пока я не перешла к главному. Как только ты примешь мой подарок, я смогу являться к тебе. Толь-

ко не пугайся раньше времени! Не мой призрак, а мой голос станет сопровождать тебя в особо трудные моменты. Я пока не знаю, как это работает. Но моя мать всегда рядом со мной. Может я просто эгоистка и не хочу тебя терять? Кто знает...

Завтра мы встретимся. Я знаю, что всего на мгновение, только чтобы попрощаться. Я надеюсь, что смогу обнять тебя в последний раз. Знаешь, я сейчас плачу, но не от страха. Смерть меня не пугает, а вот разлука с тобой – очень.

Не важно, применишь ли ты дар – все равно уезжай. В этом городе тебе не позволят жить. Дочь ведьмы – страшный приговор, который рано или поздно приведет тебя к гибели.

И помни – три поколения женщин, у которых есть шанс забрать дар нашего рода. На твоей внучке он остановится. Не спеши, все обдумай хорошенько. И не уничтожай тетрадь, даже если очень захочешь.

Я хотела скрыть от тебя кое-что, но сейчас подумала, что не имею на это права. Ведьмы, отвергшие магию, обречены на несчастную жизнь. Вот, сказала. Звучит так, будто я принуждаю, но нет. Я просто предупреждаю».

Серафима захлопнула тетрадь и чихнула – облако пыли вырвалось из страниц и осело мягким облаком на столе. Серафима – Альбина – Лукерья и ... она. Последняя, кто может забрать то, что принадлежит ей по праву рождения. Мать Симы ведьмой точно не была – такое невозможно пропустить, как ни скрывай. Да и жили бы они гораздо лучше, умей Лу-

керья колдовать. Значит, дар она не приняла. Но, судя по тому, что тетрадь нашлась в ее вещах – прекрасно о нем знала. Осталось понять, что решила Альбина.

Серафима не хотела больше читать, но руки сами тянулись к пожелтевшим страницам. Она начала листать, пробегая глазами по ровным строчкам, но не всматриваясь в суть. На последней странице ей попалась странная запись. И странность ее была в том, что сделана она была другим почерком.

«Прости, мама. Я не смогла».

Альбина не смогла. Кто был автором строк и гадать не пришлось. Почему не смогла – не захотела или не получилось – другой вопрос.

И Серафиму осенило. Она единственная, у кого есть шанс. Последняя возможность, используя которую, она изменится навсегда. Но хочет ли она этого?

Каково это – быть ведьмой на пороге третьего тысячелетия в государстве, которое осуждает любое проявление волшебства?

Сможет ли в одиночку справиться с тем, что свалится ей на плечи. Она перелистнула в начало и снова прочитала строчки, которые могли повлиять на ее решение.

Дар может и не прийти. То есть ничего может и не получиться. Эта новость принесла облегчение. Что, если она просто попытается?

Но прежде чем заниматься чем-то подобным, нужно как

следует разузнать, почему к людям, имеющим способности, было такое отношение. Ведь раньше же они как-то уживались с людьми? Идти в библиотеку – плохая затея. Гарантий, что всю литературу не уничтожили вместе с причастными – нет, а вот привлекать к себе внимание не хотелось.

Ее волновал и другой вопрос – почему мама не обронила ни слова? Она была против или поздно узнала обо всем? Может, планировала открыть семейный секрет позже, когда Серафима станет чуть старше? Или не желала единственной дочери такой участи?

Сима посмотрела в окно и ахнула – занимался рассвет. Сколько же она просидела с злополучной тетрадью?

Она погасила свет и добралась до кровати. Утром она должна быть в лавке, а на сон времени практически не осталось. Серафима сунула тетрадь под подушку, скинула с себя одежду и забралась под одеяло.

Голова разболелась от мыслей и новостей. Ее бросил жених, подобрав для себя более выгодную партию. Ее прабабка была ведьмой, которую казнили у всех на глазах. Она последняя, кто может принять ее дар и изменить жизнь. А ведь она мечтала изменить свою жизнь! Хуже же уже быть не может. Может поэтому она такая несчастная? Прабабушка же ясно написала – если дар отвергнуть, то счастья не будет... У Лукерьи его не было. Да и у Серафимы не густо. Вот бы спросить у кого-нибудь совета. Но ее предупредили – доверять никому нельзя. Кроме мамы, она точно не предаст и не

подставит.

Сима посмотрела на портрет матери и с трудом разглядела очертания ее лица в полумраке.

Впервые ей показалось, что Лукерья не улыбалась.

Глава 5

На работу Серафима проспала. Очнулась, когда услышала громкий плач за окном, села, потеряла виски и коснулась пальцами опухшего лица. Бросила взгляд на часы и просто-напла – Игнат не простит подобную оплошность.

Идти никуда не хотелось. Ей и жить не хотелось – столько всего навалилось на хрупкие плечи, хоть запирайся в квартире и волком вой. Память выдала все новости разом, не пощадив. Сима зажмурилась, не в силах принять страшную правду. Ночью семейная тайна казалась ей чем-то завораживающим, но теперь все изменилось.

Она сунула руку под подушку, в надежде, что там пусто, и никакой тетради и не было, но пальцы быстро нащупали мягкий кожаный переплет. Ей не приснилось. И зачем она полезла в мамины вещи? Жить в неведении, оказывается, куда проще, чем знать страшную правду.

Времени расслаживаться и жалеть себя не было – лавка должна открыться через семь минут. Она быстро оделась, умыла лицо и вышла из квартиры, даже не выпив воды.

Город давно проснулся и забурился – мимо проносились машины, пешеходы, в основном простые труженики, спешили занять свои рабочие места. И Сима влилась в привычный поток тех, кого прекрасно понимала. Только кое-что безвозвратно изменилось – у нее больше нет Родиона, от встречи до

встречи с которым она жила. Найденная тетрадь перетянула на себя фокус ее внимания, но это лишь временно. Боль, которую ей причинил поступок Родиона, не ушла, и не уйдет так просто. Еще тысячу раз ей предстоит прокрутить в голове произошедшее, прежде чем она окончательно в это поверит.

В лавке горел тусклый свет, и Серафима простонала. Она открыла дверь и увидела Игната – тот внимательно рассматривал долговую тетрадь, сдвинув густые седые брови к переносице. Услышав шаги, он медленно поднял голову.

- Лавка открывается в девять, - напомнил он. Как будто Сима об этом не знала!

- Прошу прощения, - она спрятала глаза и прошмыгнула мимо него в подсобное помещение. – Я не спала всю ночь, но под утро меня сморило. Обещаю, что больше подобного не повторится.

- Лидия Цветкова не вносила плату уже месяц, - Игнат пошел следом, сжимая в руке тонкую тетрадь. – Уж не финансовые ли у этой обжоры проблемы, о которых она предпочитает не распространяться? Я вчера встретил Николая, владельца мясной лавки, так у него та же проблема – товар берет, но не платит.

Серафима сменила уличные туфли на резиновые тапочки, повесила пальто на вешалку и переплела волосы, растрепавшиеся на ветру.

- Госпожа Цветкова вечно чем-то недовольна, поэтому

мне сложно понять, есть ли у нее проблемы, - призналась она, радуясь, что не ее опоздание стало главной темой разговора. – А откуда у нее вообще средства к существованию? Мне кажется, что она ни дня не работала...

- Такие, как она, и не работают никогда, - Игнат прислонился к дверному косяку, и его огромное пузо заслонило проход в торговый зал. – Ее отец был важным человеком. Нажил большое состояние, построив кирпичный завод. Когда он умер, предприятие пришло в упадок, и Лидия быстро продала его, а вырученную сумму положила в банк под проценты. На них и живет. Мужа и детей у нее нет. Все для себя, любимой... Видишь, Серафима, деньги – это еще не все. Счастья-то они ей не принесли, что не удивительно – с таким огромным носом и скверным характером.

- Знаете, я бы не отказалась, чтобы они у меня были, - она топталась на месте, не зная, как пройти к рабочему месту, но Игнат не собирался двигаться.

- А что у тебя с лицом? – он вытянул шею вперед и прищурился, внимательно ее разглядывая. – Ты плакала что ли?

- Нет, - солгала она, отвернувшись к стене. – то есть немного... Мне мама приснилась.

- Ох, - Игнат вздохнул. – Мария мне никогда не снится... Серафиме слышалась зависть в его голосе, и она не стала развивать болезную тему.

- Если хочешь, я отпущу тебя сегодня домой.

- Что? Нет! – она перепугалась. – Я в порядке.

К большому облегчению, скрипнула дверь и пришел первый посетитель. Серафима протиснулась мимо Игната и выскочила в зал. Господин Савельев, старый профессор из университета, медленно подошел к витрине, опираясь на трость. Игнат тут же засобирался – он терпеть не мог умных и образованных людей, так как дискуссия с ними как правило оставляла его в дураках.

- Здравствуйте, Серафима, - господин Савельев улыбнулся ей, и сдержанно кивнул проходящему мимо Игнату.

- Доброе утро, Дмитрий Степанович. Что сегодня желаете?

- Даже и не знаю, - он пробежался взглядом по товару. – Моя Жанна приболела, и хочется побаловать ее чем-нибудь вкусненьким.

Жанну, жену господина Савельева, Сима ни разу в глаза не видел, но он каждый раз напоминал о ее существовании в разговоре. Иногда Серафиме казалось, что женщина живет только в воображении профессора, о чем она, разумеется, никогда не осмелится спросить.

- Попробуйте ореховый сыр на топленом молоке – вкус нежный, но в то же время терпкий за счет специй, - она вытащила кусок с мелкими крапинками молотого ореха, и покрутила в руках, демонстрируя «товар лицом», как учил ее делать Игнат.

- Хорошо, - профессор тут же согласился и улыбнулся. – Как ваши дела?

- У меня есть крыша над головой и работа, разве не замечательно? – Сима зашуршала клочком бумаги. – А ваши?

Каждая встреча с господином Савельевым проходила одинаково – он выбирал кусок сыра, спрашивал о делах Серафимы, а потом, когда она задавала встречный вопрос, погружал ее на добрые полчаса в истории из университетской жизни. Сима училась только в школе, но, благодаря Дмитрию Степановичу, имела четкое представление о тяжелой студенческой жизни. Однако, в этот раз он завел речь о другом.

- Я не люблю жаловаться, - господин Савельев переложил трость в левую руку и оперся на нее всем своим весом. – Грядут страшные перемены. Вчера мы получили целых два распоряжения. Первое – сократить число преподавателей на четверть, а это очень много, учитывая жуткую нехватку квалифицированного персонала. Разумеется, я под ударом. Кто оставит больного старика? Но самое жуткое даже не это. Каждого студента велено допросить на предмет принадлежности в различным тайным, а соответственно и запрещенным, организациям. Это прямое нарушение прав и свобод!

Сима сдержала горькую улыбку. Она любила свою страну, но уж точно не за права и свободы, которых в ней отродясь не было. Богатые богатели, бедные – беднели, и если первые пеклись за свое положение, то ей нечего было терять.

- Вы думаете, что такие общества существуют? – она положила на прилавок готовый заказ и заметила, как профессор напрягся.

- Разумеется, - он ответил тихо, предварительно обернувшись на дверь. – Не то чтобы я был уверен, но...

Но что? Сима ждала, что он закончит мысль.

- Император ищет заговорщиков, которые имеют прямую связь с Европой. Ветер-то оттуда дует. Российскую империю невозможно разрушить извне, так почему бы не сделать этого изнутри?

- И чего они добиваются? – Симе вдруг стало любопытно разобраться в вопросе, который волнует столь многих.

- Власти, - профессор усмехнулся. – Запомни, Серафима, все хотят власти. Империя должна была пасть много лет назад, но выстояла. И попытки будут повторяться снова. История циклична и предсказуема.

- Кому помешал наш император? – теперь она спрашивала не столько, чтобы узнать ответ, сколько ей было важно получить хоть крупицу знаний от мудрого и опытного человека.

Он тихо рассмеялся, и из его груди вырвался нездоровый кашель.

- Порой я завидую невеждам, не обижайтесь. Политика слишком мерзкая вещь, чтобы совать в нее маленький носик. Но я постараюсь ответить на ваш вопрос. Император собрал вокруг себя элиту, и, заручившись их поддержкой, щедро оплатил чинами и золотом. Как вы думаете, устраивает ли это основную массу населения нашей страны?

Серафиму точно не устраивала ее бедность, но она бы не осмелилась пойти против системы.

- Нет, - коротко ответила она, и господин Савельев продолжил говорить.

- Ошибка императора в том, что он практически лишил народ возможности добиться верхов с помощью таланта и ума. Без титула графа или князя это бесполезная трата времени. Помните судебный скандал, прогремевший на всю столицу в прошлом году?

Сима не помнила, но кивнула.

- В кресле судьи оказался бездарный и непутевый сынок графа Разумовского. Он даже законов не знал! Мыслимо ли? А сколько талантливых и умных людей гнут спины в цехах, не имея возможности реализоваться?

- То есть вы тоже находите мотивы протестантов обоснованными? – Сима взяла тряпку и протерла стол, лишь бы занять руки работой.

- Разве я сказал об этом? – профессор поднял удивленные кустистые брови.

- Намекнули, - Сима улыбнулась. – Но я и сама нахожу их весомыми. Мотивы, я имею ввиду. Но я боюсь, что судьба бунтовщиков предрешена.

- Думаете? – на мгновение ей показалось, что профессор расстроился.

- Всех неугодных постигла печальная участь, - Серафима от нервов начала так яростно натирать поверхность, что пальцы заболели. Потому что то, что она готовилась произвести, могло пагубно отразиться на ее дальнейшей судьбе. –

Вспомните хотя бы ведьм. Их всех истребили...

- Ведьм? – господин Савельев перебил ее и попятился. – Почему вы вспомнили о них?

Серафима растерялась, застыв с тряпкой в руке. Действительно, а почему? Она не ожидала, что ее об этом спросят.

- Просто.... Недавно услышала, как две покупательницы говорили об этом...

- Правда? И кто это? – профессор шагнул вперед, прижавшись боком к витрине.

- Не помню, - Сима часто заморгала. – Точнее, я не знаю, как их зовут. Иногда в лавку заглядывают случайные прохожие... Они и не купили ничего, вроде...

- Хм. – Дмитрий Степанович задумался. – А суть разговора вы помните?

Серафима мысленно отругала себя за длинный язык. Угрозило же ее открыть рот!

- Плохо, - Сима совсем поникла под тяжестью собственной лжи. – Что-то про ведьм, которые раньше жили среди людей, а потом их всех казнили.

Знаний о ведьмах у Серафимы не было совершенно, поэтому она опиралась исключительно на то, что успела прочитать в злополучной тетради.

- Да, все так и было... - протянул профессор, глядя в пустоту перед собой.

- Дмитрий Степанович? – Сима попыталась поймать его взгляд. – А почему вас это так взволновало?

Он тянул с ответом, видимо, принимая в глубине души важное решение. И принял.

- Моя Жанна в молодости интересовалась этой темой, - практически шепотом ответил он. – Осторожно, само собой.

- Неужели? – Серафима взвизгнула от радости. – Это жутко интересно!

- Тише, прошу вас, в империи повсюду уши, - профессор замахал рукой. – И мы с вами сейчас беседуем на запрещенную тему.

- Не менее запрещенную, чем заговор против императора, - Сима тоже понизила голос. – Мне так любопытно узнать что-нибудь интересное. А Жанна не согласилась бы мне рассказать?

- Вам? – уточнил господин Савельев и глаза его округлились. – Но ведьм давно не существует. Вам же это известно?

- Разумеется, - Сима укусила себя за щеку. Она же еще не ведьма.

- Поступим так. Сегодня я спрошу у нее разрешения. Если она захочет с вами встретиться, то завтра вечером вы сможете к нам прийти. Но только в том случае, если я сам не появлюсь с отказом.

- То есть если завтра вы не придете за сыром, то я смогу прийти к вам? – уточнила Серафима.

- Именно, - профессор кивнул. – Захватите кусок того самого сыра, что упаковали для меня сегодня. Если кто-то спросит, почему вы идете, так и скажите – несу, мол, заказ

на дом для Савельевых. А теперь мне пора, - он внимательно посмотрел на часы. – Жанна заждалась меня к завтраку.

Профессор забрал покупку и поковылял к двери, а Серафима проводила его взглядом, полным надежды.

Глава 6

Сима еле дотерпела до закрытия лавки. Ей хотелось поскорее вернуться домой и продолжить изучать записи своей прабабушки, но в планы вмешалась Настасья, которую она встретила на улице. Их сложно было назвать подругами, но хорошими приятельницами они точно считались. Настасье недавно исполнилось тридцать лет, она потеряла мужа, осталась одна с ребенком и вынуждена была как-то выкручиваться, чтобы свести концы с концами. Это их и объединяло. Ко всему прочему, они еще и жили в соседних домах.

- Как хорошо, что я тебя нашла, - Настасья приложила руку к вздымающейся груди и отдышалась.

Только тогда Сима заметила в ее руках свернутую трубочкой газету.

- Зачем меня искать, если я либо в лавке, либо дома? – Серафима нахмурилась. – Где Мишель?

Настасья так редко отпускала маленького Мишу от себя, что Серафима перепугалась. Не случилось ли чего с ребенком?

- Он у бабки Агаты, - ответила Настасья. – твой квартирная хозяйка любезно согласилась за ним присмотреть, пока я бегала на швейную фабрику насчет работы.

- Вечером? – Сима пошла вперед, и Настасья двинулась следом.

- Ага, мне посоветовали подкараулить управляющего и попросить место не официально. Но ничего не вышло. Едва я сказала, что вдова с ребенком на руках, как тут же получила от ворот поворот. И как я должна выживать? – Настасья громко возмутилась, и проходящая мимо пара господ брезгливо поморщилась, глядя на них.

- Мы что-нибудь придумаем, - пообещала Серафима, хотя прекрасно понимала – она и самой себе не в состоянии помочь.

- Зайдешь ко мне? – Настасья потянула ее за рукав пальто. – Поговорить надо. Я картошку с луком пожарила.

Вот знает Настасья, чем подкупить! Серафима кивнула головой и сглотнула собравшуюся слюну. С питанием нужно что-то решать, иначе она рискует умереть от голода или угодить в лечебницу с болями в желудке. Как только Игнат отдаст ей деньги за отработанный месяц, она пополнит свои скромные запасы.

Дом Настасьи ничуть не отличался от того, в котором жила Серафима – серое здание в три этажа, зеленая подъездная дверь и слишком крутые лестницы. Наверняка архитекторы сделали это специально, чтобы простые крестьяне не забывали свое место.

Настасья открыла дверь и толкнула ее пышным бедром. Ее юбка колыхнулась, приоткрыв на мгновение стоптанные туфли. В квартире пахло едой и чем-то детским и сладким.

- Иди на кухню, я сейчас, - Настасья указала рукой на-

правление, и Сима послушно прошла в малюсенькую теплую комнатку.

Она сняла пальто и скомкала у себя на коленях. Настасья появилась следом и тут же достала две тарелки.

- Ты прессу не читаешь? – спросила она между делом.

- Нет, - ответила Сима, принимая из рук подруги долгожданный ужин.

- Хорошо, наверное, - Настасья села напротив. – Мне сегодня статья одна попалась.

Она замешкалась, и Серафима догадалась, о чем пойдет речь.

- Как у тебя дела с Родионом Шумским?

- Он меня бросил, чтобы жениться на другой, - Сима отложила вилку и приказала себе не плакать. – Неужели эту новость уже напечатали?

- Слава богу, - Настасья расслабила плечи. – Ты не представляешь, как я боялась, что стану той, кто принесет дурную весть. Дочь графа Гробовского – слишком серьезная соперница. Но как так вышло? Вы поссорились?

- Нет, я и узнала то случайно. Решила найти его, чтобы поговорить, а там помолвка в разгаре, - голос у Серафимы задрожал, когда перед глаза всплыли воспоминания.

- И что будешь делать? – Настасья коснулась ее руки. – Ты же любила его.

- Придется заставить себя забыть. Родион свой выбор сделал.

- Он еще пожалеет, что обидел тебя, - глаза Настасьи заблестели.

- Ты думаешь? – впервые Сима поймала себя на мысли, что мечтает о том, чтобы он пожалел.

- Ну справедливость же должна восторжествовать! Хотя я не припомню, чтобы хоть раз видела это собственными глазами. Когда мой муж умер, то я вообще перестала верить во что-то светлое. Как я воспитаю Мишу?

- Ты хорошая мать, и твой сын вырастет достойным человеком.

- И нищим! Меня никуда не берут, Сима, - Настасья заплакала. Так резко, что Сима даже растерялась. – кто нас защитит?

Никто. От суровой правды у Симы чуть сердце не разорвалось. Она хотела помочь, но не знала – чем. Разве что... мысли о старой тетради промелькнули и исчезли, оставив неприятный осадок на душе. Чем ведьма может помочь одинокой матери, которая хочет прокормить ребенка? Ответа не было. Да и ведьмой она еще не стала, а может и вообще не станет. Вот вернется домой и сожжет дурацкую рукопись.

Нет, не сожжет...

Серафима встала из-за стола, поблагодарила Настасью за угощение, подавила укол совести, который напомнил, как нехорошо объедать других людей, распрощалась и вышла на улицу.

До дома было всего несколько шагов ходу, поэтому Сима

даже пальто застегивать не стала – дольше провозится с пуговицами.

У подъезда она встретила бабушку Агату и маленького Мишеля, который крепко держал старуху за руку.

- Сима! – Агата улыбнулась беззубым ртом. – А мы на прогулку собрались. Как ты?

- Хорошо, - Сима потрепала малыша по белокурой головке. – Как только мне заплатят, я сразу принесу вам часть долга.

- Хорошо бы, - Агата посмотрела на небо и зашевелила морщинистыми губами. – сколько нищеты ты плодишь, и не стыдно?

Серафима нырнула в открытую дверь, не желая слушать, как ее квартирная хозяйка отчитывает Господа. Ей не терпелось взять в руки тетрадь и узнать, что еще расскажет ей та, с кем она делила одно имя.

Сима быстро переоделась в домашнюю одежду, вымыла руки, включила лампу и села на кровать. На ее коленях лежало либо спасение, либо проклятье. И, прежде чем сделать выбор, она должна знать, на что себя обрекает.

«Обряд принятия дара.

Если ты дошла до этих строк, Альбина, значит ты готова смириться со своей судьбой. Для того, чтобы все получилось, ты должна быть очень внимательной. Запомни – ничего нельзя поменять! Обряд можно провести лишь единожды, в любую из ночей, не зависимо от луны. Обряд, это

не только слова, поэтому для его проведения тебе кое-что понадобится. Четыре знака, четыре элемента и четыре духа – только так дар примет в тебе хозяйку. Теперь по порядку. Тебе нужно собрать чистую воду из родника, много не нужно, но и не жадничай – она должна заполнить половину чаши. Еще земля из трех мест: от порога дома, из-под старого дерева и с кладбища. Новая свеча, только не бери ту, что бывала в церкви. Господь не одобряет магию, но он не отвернется от тебя, потому что все мы его дети. И последнее – то что всегда с тобой – твоя кровь. Приготовь все прежде, чем приступать. Делай обряд ночью. Запомни, доченька, на следующий день ты должна изолировать себя от людей: никуда не выходи и ни с кем не разговаривай. Только ты, твоя новая сила и время привыкнуть друг к другу.

Как только ты будешь готова – приступай».

Серафима закрыла тетрадь и вздрогнула. Не ворует ли она то, что ей не принадлежит? Каждый раз, встречая в строках имя своей бабушки, она испытывала стыд. Почему она отказалась от дара? Не подвергает ли Сима себя опасности, просто читая чужую тетрадь?

- Бред, - она покачала головой, стараясь саму себя успокоить. – Что будет от простого чтения?

И снова открыла разворот на нужной странице.

«Отныне ты будешь подчиняться четверем духам, и сейчас я тебя с ними познакомлю. Первый – Нерисса – это дух воды, второй – Террамора – дух земли, третий – Файгора –

дух огня, ну и последний – Венарис – дух крови. Все они оживут в тебе разом, станут верными спутниками и помощниками, но помни – они не терпят лжи и обмана. Ты сможешь лгать, кому хочешь, кроме себя. Когда ты будешь проводить ритуал, тебе придется призвать каждого из них. Если они придут – ты поймешь. Знаю, что ты хочешь узнать подробности, но просто поверь мне – все станет ясно, едва ты закончишь. К такому невозможно подготовиться. Единственное, что я скажу – не бойся ничего, что может случиться, все будет правильно.

Итак, теперь к главному. Постели на пол чистую простыню, сними обувь и встань босыми ногами в центр. Все необходимое должно быть в досягаемости вытянутой руки. Возьми в руки чашу, окати водой ноги, но немного оставь, она тебе еще пригодится, и скажи: Нерисса, прими меня, пусть потоки жизни очистят мою плоть и кровь. Затем опустишь на колени, возьми три горсти земли с каждого места, перемешай их и рассыпь вокруг себя, обращаясь к духу земли: Террамора, матушка-земля, пусть будет крепка моя связь с корнями мира. Не поднимайся с колен. Зажги свечу и призови духа огня, внимательно всматриваясь в пламя: Файгора, тот, что горит в сердце ведьмы, пробудись во мне. Пламя задрожит и изменит цвет, но не отводи взгляд. Если оно покраснеет, значит ты получишь силу воина, способного изменить мир, станет зеленым – твой удел помогать людям и нести добро. А если черным – то темная ма-

гия приклонится перед тобой и откроет свои тайны. И последний шаг – кровь. Возьми острый нож и сделай надрез на пальце. Капни несколько капель крови в чашу с водой и посмотри в отражение. Призови духа крови: Венарис, свидетель моего рода и боли, пусть кровь моя станет силой, а боль – знанием. Выпей всю воду до последней капли. Дальше закрой глаза и жди – дар найдет тебя. Когда все закончится, собери простынь вместе с землей, положи в железный таз и сожги с помощью ритуальной свечи. Как только пламя займется, брось ее в огонь и позволь обратиться в воск».

Серафима замерла, глядя перед собой. Страх сковал мышцы. Прочитанное выдернуло ее из реальности, в которую она не готова была возвращаться. Что будет, если свеча станет черной? А какой ведьмой была ее прародительница? Сможет ли она отказаться, если передумает? Это вряд ли.

Серафима спрятала тетрадь под подушку и подошла к окну – ночь опустилась на город, разогнав всех жителей по домам. В редких окнах еще горел свет. И ей пора отправляться спать. Завтра наступит новый день. И завтра она придумает, как раздобыть чистую родниковую воду, свечу и землю с трех мест.

Глава 7

Серафима порхала по лавке, не в силах контролировать возбуждение. Теперь она знала, как провести обряд принятия дара. И она почти готова это сделать. Здравый рассудок то и дело пытался переубедить ее в этом, но Сима лишь отмахивалась от его доводов, как от приставучей назойливой мухи.

- Что я теряю? – спрашивала она ту часть себя, которая не хотела мириться с ее решением. – Разве в будущем есть хоть малый просвет? Что меня ждет, кроме бедности и одиночества, а?

Разумеется, она не рассчитывала услышать ответ. Он ей и не требовался. Главное, чтобы хватило решительности, и она не струсилa в самый ответственный момент.

Серафима протерла полки, вытащила из коробки тяжелую свежую головку сыра и достала нож. Терпкий аромат забрался в нос, и она не удержалась – отрезала тоненький кусочек и сунула в рот. Но растянуть удовольствие не получилось – скрипнула дверь, и молодой мужчина придержал ее, пропуская вперед пару господ. Увидев, кто пожаловал в лавку, Серафима выронила нож, и он звякнул о каменный пол. Руслана Грабовская тянула за руку Родиона, который отчаянно сопротивлялся и не хотел заходить.

- Только куплю сыра для мамы, и мы сразу уйдем! – она

звонко и заразительно рассмеялась, победив жениха.

Сима смотрела на Родиона не отрываясь, и он нерешительно поднял на нее виноватый взгляд.

- Доброе утро, - глаза Русланы блуждали по прилавку, и она закусила пухлую розовую губку. – Какой сыр самый свежий и вкусный?

- У нас все сыры свежие и вкусные, - Серафима скомкала в кулак подол платья.

- Милый, а какой твой любимый? – Руслана обернулась к Родиону и просияла.

- Господин Шумской предпочитает твердые сорта с терпкий или острым привкусом, - ответила за «милого» Серафима. – Я бы порекомендовала Чеддер или Пекорино, ну или Сбринц, который производится из сырого коровьего молока.

- Так вы знакомы? – тоненькие светлые брови Русланы изогнулись от удивления.

- Конечно, - ответила Серафима. – Господина Шумского знают все в столице.

- Не то чтобы все... - промямлил Родион, краснее до самых ушей. – Пусть Назар оформит покупку, а мы подождем в машине.

Родион подставил Руслане руку, и она уцепилась за нее, гордо вскинув подбородок.

- Назар, - она обернулась к парню, что их сопровождал. – проследите, чтобы заказ для матушки и для нас был упакован в разные пакеты.

- Слушаюсь, - он кивнул, склонив голову, и проводил их взглядом. – Сделайте два заказа на ваш вкус, а то я так и не понял, что брать.

Сима внимательно на него посмотрела – одет просто, но чисто, каштановые непослушные волосы прикрывают уши, темные глаза выделяются на бледном красивом лице. Никогда прежде она его не встречала, хотя видела в лицо большую часть прислуги Шумских. Она расстелила коричневую бумагу и намеренно достала кусок из-под низа, решив, что Родион не заслужил свежайший, только привезенный товар.

- Вы знакомы с Родионом? – Назар прищурился, всматриваясь в ее резкие и грубые движения. – У вас слезы выступили на глазах.

- А вы всегда лезете туда, куда вас не просят? – огрызнулась Сима, и тут же пожалела об этом. Ее личные проблемы не должны отражаться на работе.

- О-о-о, прошу прощения! – Назар поднял обе руки вверх. – Задел за живое. Не хотел, правда.

Серафима отложила нож и не выдержала – слезы побежали по щекам, и она спрятала лицо в ладонях. Она хотела извиниться, но вместо этого громко всхлипнула.

- Ваш господин... он...

- У меня нет господ, - Назар осторожно коснулся ее плеча и тут же одернул руку. – Я сам по себе. Приехал из провинции, чтобы выполнить заказ.

- Заказ? – Сима вытерла глаза рукавом и постаралась при-

вести себя в чувства.

- Я автомеханик, - Назар зашуршал бумагой, заворачивая кусок сыра. – Меня наняли, чтобы я привел все автомобили князя в порядок перед предстоящей свадьбой. Посмею предположить, что именно это событие вас и расстроило?

- Не важно, – Сима не собиралась отвечать незнакомцу. – давайте я сама все упакую.

- Меня зовут Назар, - он представился, хотя этого и не требовалось – уже дважды к нему обратились по имени.

- А я Серафима, - она попыталась улыбнуться. – Вот этот пакет для господина Шумского, а этот – для матери госпожи Грабовской. Не перепутайте.

- Хорошо, - он покрутил абсолютно одинаковые пакеты в руках. – Не хотите вечером прогуляться?

- Я? – Серафима не сразу поняла, что он приглашает ее на свидание. – Нет, благодарю.

- Понятно, - он помрачнел и вздохнул. – Простите мою смелость.

Назар развернулся и побрел к выходу.

- Пойдите! – крикнула Серафима в след. – Я отказалась, потому что сегодня вечером мне нужно разнести заказы. Но завтра после работы я свободна.

Он широко улыбнулся, и его щеки покрылись легким румянцем.

- Приду сразу после закрытия, - пообещал Назар и ушел. Серафима обескураженно смотрела ему в спину, пытаясь

понять, что она только что натворила. Как ей в голову пришло согласиться? Зачем? Неужели только из-за того, что он приближен к Родиону?

Нет, она не мазохистка, чтобы знать подробности личной жизни бывшего жениха, еще и в такой счастливый момент – в преддверии свадьбы. Да и что может знать простой механик?

И вдруг Серафима поняла – она поступила так не из-за этого. Ей нужен был человек, который поможет добыть все необходимое для ритуала, и не задаст ни единого вопроса. И именно Назар станет этим человеком.

День тянулся долго. Каждый раз, едва открывалась дверь, Серафима поднимала голову в надежде, что это не профессор Савельев. Если он явится, то это будет означать одно – Жанна отказалась от разговора. А он был ей просто необходим. Прабабушка даже не потрудилась рассказать свою собственную историю, и Сама могла только гадать, каково это – быть настоящей ведьмой. Она хорошо усвоила пока только один урок – язык, надежно спрятанный за зубами, поможет ей сохранить жизнь. И если госпожа Савельева расскажет ей истории других ведьм, то это поможет укрепиться в принятом решении, или передумать.

Чем меньше времени оставалось до закрытия, тем сильнее она начинала нервничать. С чего завести разговор? Как объяснить чрезмерное любопытство? Как вести себя в обществе женщины, которую она никогда не видела?

Она полезла в справочник, который пылился под столом,

и нашла в каталоге адресов нужную фамилию. Савельевы жили поблизости, что не удивительно – кто станет закупаться в лавке вдали от дома? Серафима хорошо знала район, и даже вспомнила, как выглядел дом, указанный в адресе. Осталось только убедиться, что ее там готовы принять.

Серафима заранее упаковала тот самый сыр с орехами, который велел ей принести Дмитрий Степанович, и посмотрела на часы – пятнадцать минут до закрытия. Если повезет, то никто не придет. Но ей не повезло. Явилась госпожа Цветкова, как всегда с кислым лицом и в дурном настроении.

- Я вчера забыла здесь зонт! – заявила она с порога.

- Зонт? – Серафима переспросила, потому что не могла припомнить, чтобы хоть раз видела в руках Лидии Цветковой зонт. – Я уверена, что вы оставили его где-то в другом месте...

Она осеклась, когда суровый взгляд исподлобья проскользил по ней от макушки до пят.

- Мой зонт стоит целое состояние, и я не удивлюсь, если вы решили присвоить его себе! – госпожа Цветкова настаивала на своем. – Я точно помню, как пришла сюда с ним, а ушла без него.

Серафима осмотрелась по сторонам, хотя и так знала каждый сантиметр в лавке. Зонта, разумеется, не было.

- Я бы никогда не посмела взять чужую вещь, - обида от ложного обвинения подкатила ком к горлу, и Сима почувствовала, как задрожали руки.

- Я не стану тратить драгоценное время на выяснения, - Лидия подошла к двери и взялась за ручку. - Пусть зонт пойдет в счет погашения моего долга, который, разумеется, прекроет его с избытком.

- Что? - Серафима чуть не задохнулась от возмущения. - Но это...

Госпожа Цветкова хлопнула дверью и удалилась, не позволив ей договорить.

То, что это было ни чем иным, как уловкой не платить по счетам, Серафима не сомневалась. Неужели дела у Лидии Цветковой и правда плохи, как и предполагал Игнат?

Только вот разбираться с этим у Серафимы не было ни времени, ни желания. Игнат здесь хозяин, пусть сам и забирает деньги. Главное, чтобы он не решил, что она и правда припрятала чужой зонт, и не лишил ее заработной платы.

На всякий случай Серафима еще раз проверила каждый уголок, и, убедившись, что пропажи нет, вышла из лавки с беспокойным сердцем.

Начало смеркаться. Она прижала к груди бумажный сверток и прибавила шаг. До дома, в котором жил профессор Савельев с женой, оставалось совсем немного. Она подняла глаза на красивый фасад и восхитилась лепниной, подчеркивающей статус жильцов и давность постройки здания. Серафима предвкушала не только долгожданную встречу, но и обстановку самой квартиры. Никогда прежде ей не доводилось бывать в богатом доме, а профессора она причисляла

именно к такому слою общества.

Серафима вошла в подъезд, поднялась на третий этаж, на ходу рассматривая чужие двери, и нашла нужную квартиру. Осталось только постучать и войти, но она медлила. Мысленно Серафима обратилась к своей прабабушке, жалея о том, что не может слышать ее голос в своей голове. Еще несколько дней назад она и не думала о ее существовании, но теперь все стало иначе. Может она накручивала себя, придавая излишнюю значимость найденной тетради, но Сима будто ощущала на своей спине чуткий и мудрый взгляд.

- Все будет хорошо, правда? – спросила она, сжала пальцы в кулак и постучала.

Глава 8

Квартира профессора Савельева ее удивила и разочаровала – скромным было все, что попало на глаза. Даже несколько картин в потрепанных рамах, и те вызвали лишь жалость и желание поскорее отвернуться. Пахло едой, но приятный запах перебивался привкусом горьких лекарств. В домашнем костюме Дмитрий Степанович казался ниже и старше своих и без того преклонных лет. Он виновато улыбнулся, словно оправдываясь за беспорядок, и впустил гостью внутрь, бережно закрыв за ее спиной дверь.

Серафима отдала ему кусок сыра, который сделался мягким от тепла ее рук и осмотрелась в поисках стула.

- Нет-нет, - профессор предугадал ее мысль. – Жанна ждет вас в спальне. Заранее хочу вас предупредить, что она неважно себя чувствует.

- Я помню, вы вчера говорили, - Серафима поджала губы от неловкости всего происходящего.

Дмитрий Степанович поманил ее за собой и повел по узкому, лишенному нормального освещения, коридору. Неприятный запах усилился, и Серафима постаралась не дышать носом, чтобы ее не вырвало.

Профессор приоткрыл дверь, она протяжно засвистела ржавыми петлями, и Сима увидела кровать с грудой одеял.

- Жанна? – он тихо позвал, и под одеялами началось ше-

веление. – Она пришла.

Серафима шагнула вперед, и в свете тусклой настольной лампы увидела женщину, точнее сморщенную худую старуху. Она сидела, облокотившись на подушки, и сложив костлявые руки на животе.

- Здравствуйте, - Серафима не признала собственного голоса – он стал слишком писклявым от напряжения.

- Садись на стул, - прохрипела старуха, тыча пальцем в угол. – Дима, включи вторую лампу и оставь нас ненадолго, пожалуйста.

Господин Савельев тут же выполнил просьбу и исчез. При более ярком освещении Серафима смогла рассмотреть ее лицо. Наверняка когда-то она была очень красивой. Давно. Много лет назад. Теперь же ее впалые щеки бороздили глубокие морщины, глаза ввалились, и цвета их было не разобрать. Седые жидкие волосы собраны в высокий пучок и приколоты крупной шпилькой. Серафима так откровенно таранилась на Жанну, что, осознав это, тут же отвела глаза. Нужно было начать разговор, но язык онемел и отказывался шевелиться.

- Когда мой муж сказал, что ты спрашивала про ведьм, я сначала не поверила, - она усмехнулась, и на ее лице появилась едва уловимая улыбка. – много лет я ждала человека, с которым смогу это обсудить. И вот ты пришла. Но сначала ответ – почему тебя это волнует?

- Я... - Серафима растерялась. Все ее заготовки разом вы-

летели из головы. – Подслушала разговор...

- Ты можешь не лгать мне, - костлявая ладонь рассекла воздух и замерла. – Никто не станет проявлять интерес только потому, что услышал что-то краем уха.

Серафима задрожала и сжалась в комок, предчувствуя, что ее план с треском провалился.

«Может встать и убежать?» - пронеслось в голове, но она физически не могла этого сделать – ноги приросли к полу.

- Я узнала про дар, когда мне едва исполнилось шесть, - Жанна заговорила тихо, но Серафима слышала каждый шорох ее тягучего хриплого голоса. – мама хотела принять его, но не смогла – духи отказали. И тогда бабушка провела обряд со мной. Я плохо помню подробности, но до сих пор свежо чувство, как меня пронзило насквозь. С перепугу я расплакалась, но это не помешало.

- Вы – ведьма? – Серафима ахнула, наполнив легкие плотным воздухом.

- Бабушка умирала, - продолжила Жанна, проигнорировав ее возглас. – Она не могла ждать, когда я вырасту. И это стало непосильной для меня ношей. Я не смогла подчинить дар, он управлял мной. Вместе со мной страдали все вокруг, особенно мама – она пыталась изо всех сил меня защитить.

- А теперь? – у Серафимы возникло столько вопросов, что она боялась хоть что-то упустить.

- Я давно не практикую, - старуха улыбнулась. – Это и убивает меня сейчас. Но я сама выбрала такой путь. Магия –

не игрушка, ее нельзя игнорировать. Это энергия, способная смести все на своем пути. И когда она копится, не расходуется, то ее обладатель начинает чахнуть.

- А Дмитрий Степанович? – Сима указала пальцем на дверь.

- Знает, - Жанна кивнула одними глазами. – Он разделил со мной этот крест. И несет его долгие годы нашего брака. Но я хотела тебя видеть не для того, чтобы пожаловаться на свою судьбу. Я хочу предостеречь тебя. И рассказать нашу историю.

Жанна взбила подушку за спиной, села повыше и начала.

- Я не помню прекрасных времен, когда ведьмы мирно сосуществовали с простыми людьми, но они были. Пока не произошло страшное. Тогда на престоле сидел император Святослав. У него было два наследника – Николай, на которого тот возлагал надежды, и Мирослав – слабый, больной, совершенно не разбирающийся в политике и не интересующийся ею. Последний вел затворнический образ жизни, вечно что-то мастерил и мало разговаривал. Император, тем не менее, любил его и хотел помочь. В столице жила сильная черная ведьма. Все ее боялись, но и уважали. Святослав приказал ей явиться во дворец и посмотреть на Мирослава. Он надеялся, что она сможет помочь и снять проклятье, наложенное на него. Не знаю, догадалась ли ты, но никакого проклятья не было. Ведьма не церемонясь окрестила его умственно отсталым, чем только разозлила императора. Но это

не самое страшное, что произошло. Ей на глаза попался Николай. Придерживая язык за зубами, многое могло сейчас быть иначе. Она увидела его скорую смерть. И сказала об этом императору. Тот, разумеется, вышвырнул ее за дверь. А вскоре пришла беда – Николай умер от тяжелого недуга, прихватив с собой мать. Святослав обезумел от горя, и обрушил весь свой гнев на головы ведьм. Началась кровавая бойня – он отдал приказ найти и сжечь каждую, кто обладает даром. Много невинных пострадали в те непростые времена. Женщин ловили даже за то, что они слишком красивы. Колдовство попало под строжайший запрет.

- Так вот что случилось... - Серафима озвучила мысль вслух.

- Весь остаток жизни император положил на то, чтобы расправиться с ведьмами. Но ту самую ему так и не удалось найти. Она растворилась во тьме, исчезла, и больше никто ее не видел. Потом он умер, и на престол взошел Мирослав. Правил он, разумеется, не сам. Отец при жизни сколотил крепкий совет, так как понимал, что при его сыне империя просто развалится на части. Совет четко следовал завету Святослава – охота на ведьм не затихала. Те, кому удалось спастись, затаились. Империя ослабла, что и привело охотников за властью к идее восстания. Но случилось чудо – у императора Мирослава родился наследник – Алексей. Он не пошел в отца, ты и сама это видишь.

- А эта черная ведьма и правда что-то сделала с Никола-

ем? – Серафима пожалела, что всегда относилась к истории слишком поверхностно.

Жанна пристально на нее посмотрела, и Сима провела пальцами по щеке, словно смахивая с него несуществующие крошки.

- Человек всегда стремится найти виноватого в своих бедах. Так проще живется, - ответила Жанна. – Меня там не было, поэтому с уверенностью сказать ничего не могу. Но, если пораскинуть мозгами, то мотивов я не вижу. Зачем ей губить наследника престола?

- Может, из мести? – предположила Серафима. – Или из... вредности.

Громкий, ужасающий смех сжал пространство вокруг, а затем сменился лающим кашлем. Жанна выплюнула что-то вязкое изо рта и растерла по одеялу.

- Спасибо, - она отдышалась. – Ты меня насмешила. Я сто лет так не забавлялась, вот правда. Запомни, если ведьма надумает отомстить, но никто и никогда об этом не узнает. Вредные среди нас, конечно же, встречаются, но он должен был здорово ей насолить, чтобы сделать такое! Вот ты, Серафима, хочешь кому-нибудь навредить?

- Я? Нет, - она с дрожью вытолкнула из себя выдох.

- А я вижу, что хочешь, - Жанна хитро улыбнулась. – Только помни, что все, совершенное тобой, с тобой и останется. Подумай трижды, прежде чем что-то сделать. Мы, хоть и обладаем силой, но не можем пойти против судьбы. А теперь

раскрой мне правду. Что с тобой приключилось?

Серафима сложила вспотевшие ладони на коленях. Слова прабабушки ожили и прозвучали у нее в голове: «Никому не доверяй». Но она знала, что Жанна не примет очередной лжи. Она будто уже знает правду, но хочет ее услышать.

- Я нашла дневник, - Серафима решила. – Он принадлежал моей бабушке, а писала его ее мать.

- Ведьма... - прошептала Жанна, и на ее лице проступила благодать.

- Да. Ведьма. Ее звали Серафимой. И она готовилась к казни у всех на глазах. Она хотела передать дар своей дочери. Но та его не приняла.

- И ты, как потомок той самой ведьмы, решила рискнуть?

- Я еще ничего не решила. Мне просто хочется понять, что это за чертовщина... Тем более колдовать строго запрещено, а я не пойду против закона. Не хочу повторить ее судьбу.

- Ты уже все решила, - Жанна запрокинула голову, и на ее шее вздулась крупная вена. Из горла вырвался вздох, а за ним и хрип. – Пусть духи благословят и примут тебя.

Она замолчала. Сначала ее тело казалось неподвижным, но потом рука медленно сползла и легла ладонью вверх. Серафима ждала, что старуха скажет что-то еще, но она не шевелилась. Страх медленно поднимался по онемевшим ногам, скрутил живот, сковал жадными лапами горло. Ей не требовалось подтверждение – госпожа Савельева больше не произнесет ни слова.

- Дмитрий Степанович! – Серафима закричала.

Профессор ворвался в спальню, подволакивая ногу, и у нее закралось сомнение – не подслушивал ли он все это время их разговор? Он уперся коленями в матрас, тот скрипнул под тяжестью его веса. Дрожащая рука потянулась к лицу Жанны, но так и замерла в воздухе.

Серафима приготовилась к чему угодно, кроме того, что произошло.

- Слава богу, - на лице профессора мелькнуло облегчение. – Ее муки закончились.

- Она умерла? – Сима с трудом встала и взялась за спинку стула.

- Да, - их глаза встретились. – Я хотел угостить вас ужином, но теперь мне придется вызвать похоронную службу. Вы не обидитесь, если я положу вам с собой?

- Что? – Серафима попятилась к двери, решив, что Дмитрий Степанович сошел с ума.

- Я предполагал, что такое может случиться, поэтому поставил сумку у входной двери. Сердце не обманешь... - он посмотрел на неподвижную жену. – Пойдемте, я провожу вас.

Сима стояла на пороге, прижимая к груди маленькую чашку с угощением.

- Прошу вас, пусть все, что вы увидели и слышали сегодня, останется в этих стенах. Я объяснюсь с вами, когда похороню Жанну. Мне кажется, что она не успела рассказать

вам о себе, а ведь моя жена была удивительной женщиной.

Серафима смахнула слезы, которые покатались по щекам.

- О, нет, не оплакивайте ее! Она запретила...

Сима шла по ночному городу и не могла прийти в себя.

Произошедшее казалось страшным сном, а ей никак не удавалось проснуться. Она уже видела смерть – мама скончалась у нее на руках. Но это другое. Тогда ее распирало от горя, которое целиком пыталось влезть в душу, ломая от боли ребра. А сейчас она иначе ощущала утрату. Жанна была чужой, но тонкая невидимая нить, связывающая их, порвалась с оглушающим треском, оставив на сердце жуткую пустоту.

Она не помнила, как добралась до дома, как вытащила маленькую железную чашку, края которой обожгли пальцы, как взяла вилку и начала есть желтое, приправленное яйцом картофельное пюре с сочной и темной, как кровь, подливой.

Глава 9

Утро выдалось пасмурным. Небо заволокло тяжелыми серыми тучами, которые с трудом удерживали в себе скопившуюся влагу. Серафима выскочила из подъезда, зажмурилась от порыва ветра и прибавила шаг. Нужно успеть в лавку, пока не разошелся дождь. Она шагнула на вымощенный тротуар, обошла дворника, собирающего стекло от разбитой бутылки молока, перепрыгнула белую лужу и подняла глаза к небу. Может ли душа Жанны, покинувшая тело, в этот самый момент наблюдать за ней? От самой мысли сделалось не по себе. Лучше вообще ни о чем не думать, чем терзать себя напрасно. Никто не знает точного ответа на этот вопрос.

В суете последних событий, она совсем забыла про Назара, которому пообещала прогулку. Если погода испортится, то он, скорее всего, и не придет. Сима пока не определилась, чего она хочет больше.

Игнат уже крутился за прилавком, перекладывая с места на место товар, как будто Серафима недостаточно хорошо справлялась со своими обязанностями. Заметив ее, он коротко улыбнулся, но вовсе не потому, что был рад видеть.

- Если вольет, то торговли сегодня не будет, - заявил он с претензией в голосе. Как будто это Серафима заказала дождь! – Какой идиот рискнет здоровьем ради куска сыра?

- Голодный? – Сима сняла пальто и повесила на крючок.

– Вчера заходила Лидия Цветкова. Вы правы, она, кажется, на мели. Такое устроила!

- Ну ка... - Игнат выпрямился и наклонил голову на бок.

- Придумала, что забыла в лавке дорогой зонт и потребовала его вернуть, - Серафима старалась говорить быстро и уверенно. Ей не хотелось даже позволить Игнату усомниться в ее словах. – Но я точно помню, что она приходила без зон-та! Когда я ей сказала об этом, она начала кричать. Решила, что это я забрала ее добро, но вы же понимаете, что это не так? И это не самое ужасное. Госпожа Цветкова решила, что несуществующий зонт пойдет в счет оплаты ее долга.

- Что? – Игнат жутко разозлился. – Да как она смеет... Это нельзя так оставлять! Дайка-ка мне тетрадь.

Серафима быстро открыла записи и нашла нужное имя.

- Вот, двадцать семь покупок.

- Что же за зонт у нее такой? Из чистого золота? – он карябал ногтем по странице. – Сегодня же нужно забрать всю сумму.

- Хотите, я найду ее адрес в книге? Уверена, что вы с легкостью поставите ее на место!

- Я? – Игнат вдавил подбородок в шею и выпучил мелкие круглые глазки. – Чей это почерк?

Он развернул тетрадь и ткнул ею в лицо Серафимы.

- Мой, - она начала догадываться, к чему он клонит. – Но я...

- Сходишь к ней и заберешь мои деньги! А я пока подменю

тебя в лавке.

- Госпожа Цветкова не отдаст мне ни рубля, - Серафима готова была расплакаться от страха и досады. – И вы верно заметили – ваши деньги.

- Все, что возьмешь у нее, сможешь оставить себе. Сегодня я как раз собирался выдать тебе зарплату. Считай, что ее забрала Цветкова.

Игнат развернулся на пятках и скрылся в подсобном помещении, напевая себе под нос песенку. Он не хотел продолжать этот разговор, а Серафима не знала, как заставить хозяина решить проблему самому. Идти к госпоже Цветковой бессмысленно, к тому же она непременно разозлится, а это повлечет за собой череду неприятных последствий. Но Серафиме нужны были деньги. Значит попытаться стоило.

Она надела пальто, сложила вдвое тетрадь и сунула ее в карман. Нашла адрес в книге и вышла из лавки. Жила Лидия в соседнем доме. В самой простой квартире, как и все смертные. Как-то раз госпожа Цветкова хвалилась, что у нее есть загородный дом с большим участком земли, но там ей скучно и одиноко. Тогда Сима свято верила каждому ее слову, считая, что у богатых свои причуды. Зато теперь ей казалось, что это простой обман.

Серафима остановилась у дома и задрала голову, считая этажи – целых шесть. Ей осталось только надеяться, что тринадцатая квартира находится не под самой крышей – лететь кубарем столько пролетов хотелось меньше всего. А именно

это сделает с ней разгневанная Лидия, когда Сима попросит вернуть деньги.

Она забралась на четвертый этаж и постучала. Послышались шаги, затем они стихли с обратной стороны – хозяйка изучала гостью через глазок. Дверь приоткрылась, и Серафима увидела удивленные глаза своей должницы.

- Что вы здесь делаете, милочка? – спросила госпожа Цветкова. Серафима пожала губы – она ненавидела, когда ее называли милочкой, и терпела подобное обращение только из уст Ольги Беккер.

- Я хочу поговорить с вами. Меня прислал Игнат, - Сима достала злополучную долговую тетрадь. – Дело в том, что он... он...

Лидия нахмурилась, между бровей залегла глубокая морщина. Серафима и так боялась эту грозную женщину, а теперь и вовсе приготовилась упасть в обморок на ее пороге, лишь бы не продолжать.

- Игнат сказал, что ваш долг – это моя плата за работу. И если я не смогу его получить, то останусь на улице. Моя квартирная хозяйка ждет деньги уже несколько месяцев. Когда мама болела, мы не могли платить...

- Достаточно! – Лидия закричала, и ее голос ударился о стены подъезда. – Заходите. Побыстрее, мух напускаете.

Мух? Серафима повертела головой. Она сама чувствовала себя мухой, которую паук пригласил в свое логово. Но отказываться было не вежливо, к тому же она до сих пор не

получила ни копейки.

Квартира Лидии Цветковой больше напоминала музей, точнее кладовую музея – все свободное пространство было заставлено вещами, картинами, мебелью и всевозможными безделушками, цену которых Серафима боялась даже предположить.

- Это все, что у меня осталось, - Лидия обвела рукой большую комнату. – И пустой кошелек.

Она с трудом уместило объемный зад в старинное кресло, и его изогнутые резные ножки подогнулись от тяжести. Серафима вытаращила глаза – госпожа Цветкова что, призналась в своих проблемах так просто и открыто? Она нерешительно заглянула в коробку и вытащила из нее натертую до блеска вазу. Высокая, с изящным расширением к низу, она была украшена миниатюрной росписью – золотые завитки обвивали стилизованные цветы. На боках просматривались следы реставрации – еле заметные трещинки, как морщинки, свидетельствующие о преклонном возрасте изделия. На дне виднелось клеймо – подпись мастерской, название которой ни о чем Серафиме не говорило.

- Фарфор, середина девятнадцатого века, - госпожа Цветкова ухмыльнулась. – И такого добра здесь предостаточно.

- Не понимаю, - Серафима бережно вернула ценную вещь на место, решив, что, пожалуй, не станет больше ничего трогать руками. – Здесь целое состояние, наверное...

- Так и есть, все это я привезла из загородного дома сво-

его покойного отца. Ночью, как вор, будто отнимаю чужое, а не беру свое по праву. Я потеряла и сам дом, и все свои сбережения.

- Почему? – Серафима опустила на самый краешек темно-синего бархатного дивана и сложила руки на коленях, готовая выслушать чужую историю.

- Драгоценный императорский совет решил, что мой отец был предателем, и изъял в пользу государство все его состояние. Это блеф, разумеется. Но дом будет продан в ближайшее время.

- А эта квартира? – Серафима впервые за все то время, которое знала Лидию Цветкову, испытала к ней жалость.

- Мамина, не смогли забрать. Я вывезла из дома ценные вещи, и теперь ломаю голову, как не лишиться еще и их. Мне нечем заплатить за сыр. И зонт я нашла. Так что простите, что я вас обвинила.

Серафима готова была сквозь землю провалиться – она не узнавала женщину, что сидела напротив. Даже огромный нос теперь ей казался не таким противным, как раньше. И как она должна выбивать свои деньги? Уйти ни с чем для нее значило лишь одно – умереть с голоду и остаться на улице.

- Я отдам вам кое-что, - неожиданно сказала госпожа Цветкова. – Вы продадите это и проживете несколько месяцев на вырученные средства. Но только при одном условии.

Она выбралась из кресла, проигнорировала задравшийся подол, приоткрывший полные, изрезанные вздутыми сини-

ми венами ноги, и подошла к столу. Покопавшись в шкатулке, Лидия достала маленький медальон и протянула его Се-
рафиме.

- Он стоит не меньше тысячи, так что не позволяйте обмануть себя.

- Тысячи? – Сима вертела в руках драгоценность, всматриваясь в чистый, как слеза, камень в резной оправе. – И какое у вас условие?

- Считайте, что вы уже его приняли, переступив порог моего дома. Вы должны понимать, что хранить все это в маленькой квартирке очень опасно. И я не могу сама это продать – пойдет слух, который не только испортит мою репутацию, но и привлечет внимание императорского совета. Вы поможете мне. Вы сами все это продадите.

- Но как я объясню скупщику, откуда все это у меня? – Се-
рафима положила медальон на край стола, как бы подтверждая – сделка между ними еще не заключена. – Меня сочтут воровкой и будут судить.

- А это уже не мои проблемы, милочка, - госпожа Цветкова покачала головой. – Придумайте что-нибудь. Мне нужны деньги и возможность переехать из столицы. А я вынуждена сидеть здесь и охранять то, что у меня осталось. Вы берете медальон? Идите в лавку к Жерару, он француз, и знает толк в драгоценностях. Уверена, что в ближайшее время вещь уедет за границу, а значит никто не узнает ни о вас, ни о том, что вы принесли.

- Почему вы сами не пойдете к этому Жерару? – Серафима не могла избавиться от ощущения, что ее пытаются обмануть, или того хуже – подставить.

Но Лидия развеяла ее сомнения.

- Мы сильно поссорились, и я не хочу видеть этого хама! – Лидия побагровела. – Но это не мешает ему оставаться хорошим оценщиком и прохиндеем. Последнее, кстати, гарантирует, что он промолчит и не спросит, откуда у вас, милочка, столь ценная вещь. А если и спросит, то только из чистого любопытства.

Оценивающий взгляд проскользнул по Серафиме, и она скомкала подол старого ношеного платья.

- Так вы согласны? – Лидия вернулась в кресло. Ее нога, с трудом закинутая на вторую, нервно покачивалась в такт секундной стрелки громких настенных часов.

- Согласна, - Серафима схватила медальон и сжала в кулаке.

- Тогда запишите в свою тетрадь адрес Жерара, - Лидия улыбнулась. – И прошу вас, не произносите в его присутствии мое имя. Скажите, что украшение вам досталось от матери, и вы решились его продать, потому что вам нужны деньги на жизнь. Сначала он попробует вас проверить, и предложит ничтожно мало. Пригрозите ему, что пойдете к другому оценщику. Не соглашайтесь на меньшее той суммы, которую я вам назвала.

Серафима сглотнула подступивший к горлу ком. Сейчас

она выйдет отсюда, и обратного пути уже не будет. Она не думала о том, что ее ждет, не выполни она просьбу госпожи Цветковой, ведь та даже не пригрозила ей ничем. Получается, что вся их договоренность – простые слова?

Сима вышла на улицу, и ей на лоб упала крупная капля. А затем еще и еще... Дождь расходился так стремительно, что смысла не было от него прятаться. Волосы и пальто быстро намокли, по телу пробежала дрожь, и только руку обжигал зажатый в кулаке медальон.

Глава 10

В лавку она не вернулась. Ноги несли ее по пустынным улицам туда, где она надеялась обменять украшение на старые, потертые, шуршащие банкноты. Нищета вела ее. Невыносимость собственного положения, безвыходность, страх. Серафима свернула за угол, и попала под ледяной водопад дорожной лужи, вырвавшийся из-под автомобильных колес. Она смахнула грязную воду с мокрого лица и подняла глаза, сверяя адрес. Да, она пришла. Вывеска над узкой дверью гласила: «Ломбард».

Серафима навалилась на дверь всем телом, но она на удивление легко поддалась, и Сима чудом на растянулась на скользком влажном полу. В нос ударил запах старья, но его с лихвой компенсировало тепло. В магазине все было заставлено вещами, как и в квартире госпожи Цветковой. Невысокий худой мужчина с короткими тонкими усиками стоял за кассой и морщился – то ли он ее вида, то ли от осознания, что девушка просто ошиблась дверью и напрасно ему натоптала.

Серафима вернула себе равновесие, выпрямила спину и сделала неуверенный шаг вперед.

- Я хочу продать кое-что, - практически прошептала она.
- Мы не принимаем... хлам, - он широко улыбнулся, и на тощих щеках появились ямочки.
- Никто не принимает хлам, - Сима полезла в карман и

положила на стол медальон.

Глаза Жерара, если, конечно, именно он стоял сейчас перед ней, чуть не полезли на лоб. Все смешалось в его взгляде – шок, удивление, изумление и жадность. Но Серафиму его чувства не волновали – впереди торги, и она должна забрать свое.

- Откуда? – он подхватил медальон двумя пальцами и поднял на свет, прищуриваясь.

- Сколько? – ответила вопросом на вопрос Серафима. Она не помнила, в какой момент решила проявить жесткую тактику, но именно это и делала.

Жерар внимательно на нее посмотрел, при этом медальон так и остался в его руках.

- Если вы его украли, то я должен вызвать полицию.

- Это медальон моей матери. Она берегла его для меня, надеясь, что я никогда не избавлюсь от него, но обстоятельства и квартирная хозяйка решили иначе, - голос у Серафимы не дрогнул, и она мысленно похвалила себя за это.

- Понимаю, - он кивнул. – Изделие ценное, но время его не пощадило, - начал Жерар издали. – Вам вряд ли это заметно, но на камне есть царапины, да и ободок кое-где погнут...

- Сколько вы готовы дать за него?

- Двести рублей.

Сима протянула открытую ладонь, требуя вернуть вещь себе.

- В предыдущем мне предложили восемьсот, но я отказа-

ла. Пойду поищу еще кого-нибудь. Спасибо, что потратили на меня свое время.

С улицы донесся раскат грома, и она пригнулась, обхватив ладонями голову.

- Пойдите, - Жерар явно расстроился. – Я дам вам тысячу, но только потому, что я очень сердобольный и добрый человек.

- Не сомневаюсь... - пробубнила Серафима себе под нос. Если скупщик готов дать тысячу, то какова же реальная стоимость камня? Она не хотела знать ответа на этот вопрос.

- Подождите минутку, я приготовлю деньги, - Жерар спрятал медальон и ушел в подсобку.

Серафима занервничала – никогда она не держала в руках столько денег!

Жерар вернулся быстро, и протянул ей бумажный сверток – довольно толстый.

- Пересчитайте! – велел он, и Сима облегченно выдохнула. Не потребуй он этого, она бы убежала, поверив ему на слово.

Обещанная тысяча была месте, и она спрятала деньги в карман, прижав к нему вспотевшую ладонь.

Открылась дверь, и в ломбард вошел промокший насквозь Назар. Когда их глаза встретились, он очень удивился и растерялся.

- Что вы тут делаете? – вырвалось из уст Назара.

Серафима покраснела, чувствуя, как щеки полыхают.

- Это общественное место, - выручил ее Жерар язвитель-

ным замечанием. – Чем я могу вам помочь?

Не будь Серафимы рядом, Назар бы наверняка смело выложил на стол то, что намеревался продать. И он выложил – неуверенно и смущенно. Серафима ахнула, увидев, как на прилавке блеснуло до боли знакомое ей кольцо – Родион редко, но носил его, когда они встречались. Сначала ее захлестнула волна гнева, но она быстро взяла себя в руки.

- Сколько вы за него хотите? – Серафима схватила украшение прежде, чем оно оказалось в цепких руках француза.

- Сотни хватит, - Назар опешил, но ответил.

- Забирайте его и пошлите, я куплю, - она вернула кольцо «хозяину».

- Минуточку! – Жерар вытащил из нагрудного кармана очки и нацепил на крючковатый большой нос. – Вы не можете отбирать у меня клиентов!

- О чем вы? – Серафима убрала влажную рыжую прядь волос с лица.

- И правда, - подхватил Назар. – Я же не принес ничего!

- Ведьма! – прорычал Жерар ей вслед.

Когда они вышли из ломбарда, дождь заметно сбавил обороты, но не перестал. Серафима быстро шагала по тротуару, сунув руку в карман и сжимая пачку банкнот, а Назар торопился следом, окончательно сбитый с толку.

- Зачем вы это сделали? – крикнул он ей в спину.

- А зачем вы украли кольцо? – не оборачиваясь, спросила она.

- Это мое кольцо! И это не ваше дело!

- Правда? – она резко остановилась и обернулась. Назар налетел на нее, и они чудом не стукнулись лбами. – Я видела его на пальце Родиона Шумского.

- Вы всегда рассматриваете украшения на чужих пальцах? – он хотел выкрутиться, но сдался. – Ладно, чего вы хотите в обмен на молчание?

- Я хочу кольцо, и заплачу за него, - ответила Серафима, и продолжила путь. – Но я не могу отдать вам деньги посреди дороги.

Она поражалась самой себе – каких-то десять минут назад она разжилась купюрами, а уже тратит их сотнями на то, что ей совершенно не нужно. Или нужно? Кольцо Родиона не могло ее прокормить или заплатить за аренду, но оно... его.

Они свернули с улицы, обогнули большое здание библиотеки и быстро перешли дорогу.

- Мы куда-то конкретно идем, или вы просто водите меня по городу? – Назар поравнялся с Серафимой и улыбнулся.

- Я веду вас к себе домой, - пояснила она. – Там безопаснее всего.

Назар громко свистнул и рассмеялся.

- Постоите на пороге, - она покосилась на него, покачив головой.

Едва она открыла дверь в подъезд своего дома, дождь лил с новой силой, предварительно ослепив небо яркой молнией. Над головой загрохотало, и Серафима подпрыгну-

ла от неожиданности. Назар подтолкнул ее вперед и заскочил следом, стряхивая дождевую воду с волос. Они молча поднялись на нужный этаж, и Сима открыла дверь.

- Подождите несколько минут, я с вами рассчитаюсь, - она выставила руку вперед, преграждая ему путь.

Руки тряслись, когда она вынимала бумажный сверток и отсчитывала деньги. Внутренний голос шептал, что кольцо Родиона ей и даром не сдалось, но непослушные пальцы продолжали отсчитывать драгоценные рубли. Серафима вернулась к двери и протянула Назару плату. Он отдал ей кольцо.

- Хотел спросить, зачем оно вам, но не стану лезть не в свое дело, - он спрятал деньги в карман. – У вас сегодня выходной? Помнится мне, что вы обещали со мной встретиться после работы. Обманули?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.